

ЭЛМОТТ

ЦИРК
СЕМЬИ ПАЙЛО

Уилл Эллиотт

Цирк семьи Пайло

Серия «Цирк семьи Пайло», книга 1

Серия «Чак Паланик и
его бойцовский клуб»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39443022

*У. Эллиотт. Цирк семьи Пайло: ООО «Издательство АСТ»; Москва;
2018*

ISBN 978-5-17-111019-2

Аннотация

Что может быть страшнее клоуна за пределами цирка? Только сам цирк, в котором клоуны-убийцы воюют с акробатами, а хозяева ставят эксперименты на своих артистах. И только такой мир, полный кошмаров и гротеска, может заставить обычного недотепу-консьержа в буквальном смысле бороться с самим собой – воевать со своим клоунским альтер-эго не на жизнь, а на смерть. Автор романа – Уилл Эллиотт – не понаслышке знает, что такое раздвоение личности, хотя и не считает роман автобиографическим. Тем не менее щупальца шизофрении так тихо, но властно проникают в сознание, что читателю следует

быть уверенным в собственном душевном равновесии, прежде чем приниматься за книгу.

Содержание

Часть первая. Пришествие клоунов	6
Глава 1. Бархатный кисет	6
Глава 2. Навязчивый сон	20
Глава 3. Навязчивая явь	29
Глава 4. Кастинг Стива	54
Глава 5. Кастинг Джейми	63
Часть вторая. Клоун Джей-Джей	77
Глава 6. Представление	77
Глава 7. Хрустальные шары и акробаты	105
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Уилл Эллиотт

Цирк семьи Пайло

Will Elliott

The Pilo Family Circus

© Will Elliott, 2006

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается моим родителям

Часть первая. Пришествие клоунов

*Карнавал для всех людей,
Вата сладкая, лица детей.
С полным ртом бормочет ребенок,
Мягкие мишки в руках у девчонок.*

*Праздник вокруг нас с тобой,
Кажется, что мир иной.*

«Карусель»

Глава 1. Бархатный кисет

*Никто из них назад не оглянется
В надежде, что после карнавала все вернется*

Ник Кейв, «Карнавал»

Машина Джейми резко остановилась, взвизгнув шинами, и первой мыслью, пронесшейся у него в голове, было «я чуть не сбил это», а не «я чуть не сбил его». В ярком свете фар стояло какое-то привидение, одетое в просторную рубашу с ярким узором, огромные красные башмаки и полосатые штаны. На лице у призрака лежал густой слой белил.

Что сразу насторожило Джейми – так это взгляд клоуна,

изумленный блеск, будто он впервые очутился в этом мире, словно машина Джейми – первое, что он увидел. Казалось, существо только-только вылупилось из огромного яйца, доковыляло до дороги и застыло там, как манекен в витрине магазина. Цветастая рубашка, заправленная в штаны, едва удерживала обвисший живот, руки плотно прижаты к бокам, а ладони, обтянутые белыми перчатками, сжаты в кулаки. Под мышками расплывались пятна от пота. Клоун таранился на него через ветровое стекло нелепыми удивленными глазами, потом интерес пропал, и он отвернулся от машины, едва не задавившей его насмерть.

Часы на приборной панели отсчитали десятую секунду с того момента, как Джейми вдарил по тормозам. Он чувствовал запах жженой резины. За все время, что он провел за рулем, мир лишился двух кошек, одного фазана, и вот теперь к этому списку едва не добавился совершенно одуревший человек. В голове у Джейми пронеслись все те напасти, что могли бы свалиться на него, не затормози он вовремя: судебные процессы, обвинения, бессонные ночи и чувство вины до конца жизни. На него накатила приступ гнева, как это бывает у водителей, – он опустил стекло и заорал:

– Эй, ты! Проваливай нахрен с дороги!

Клоун не двинулся с места – лишь дважды беззвучно открылся и закрылся его рот. От ярости с Джейми чуть не случился нервный припадок: этот тип думает, что это *смешно*? Джейми заскрипел зубами и с силой ударил по клаксону.

Его небольшой старенький «ниссан» взвизгнул что было сил, пронзительно разорвав тишину двух часов ночи.

Это, похоже, помогло. Клоун прижал к ушам руки в белых перчатках и снова повернулся к машине, его рот широко раскрылся и снова закрылся. От его взгляда Джейми похолодел, по спине побежали мурашки. «Больше не сигнал, парень, – говорил взгляд его безумных глаз. – У человека вроде меня есть проблемы, так? И тебе бы хотелось, чтобы я их держал при себе, так?»

Рука Джейми нерешительно замерла над клаксоном.

Клоун развернулся в сторону тропинки и, шатаясь словно пьяный, сделал несколько шагов, прежде чем снова остановиться. Если бы по встрече пронеслась машина, она бы довершила то, чего едва не натворил Джейми. Ну, хорошо, природе лучше знать – может, это было всего лишь естественное избавление человеческого рода от дурного гена, как от дурной крови при кровопускании. Джейми уехал, качая головой и нервно посмеиваясь. «Что бы это все значило?» – прошептал он своему отражению в зеркале заднего вида.

Очень скоро он это узнает – буквально следующей же ночью.

* * *

– Где мой ЗОНТИК, мать твою?

Джейми издал неслышный миру стон. Уже в третий раз

на него обрушивался этот вопрос, каждый раз с упором на новое слово. Перед ним стоял не кто иной, как Ричард Питерсон, автор душещипательных статей для одной из национальных газетеноч под названием «Голос налогоплательщика». В двери привилегированного клуба «Вентворт» он ворвался вихрем в костюме от «Армани» и в начищенных до блеска туфлях. Работая в клубе консьержем, Джейми получал восемнадцать долларов в час за то, что вежливо выслушивал подобные тирады.

На несколько мгновений крики смолкли. Питерсон в злобном молчании тарасился на него, подергивая усами.

– Прошу прощения, сэр, я его не видел. Позвольте предложить вам другой за счет заведения?..

– Этот зонтик – наша СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ, мать твою!

– Понимаю вас, сэр. Возможно...

– ГДЕ мой зонтик?

Джейми изобразил приветствие, когда мимо входа прошли две привлекательных женщины, с улыбкой глядевшие на происходящее внутри. Следующие пару минут он повторял «Понимаю вас, сэр. Возможно...», а Питерсон тем временем угрожал выйти из клуба, засудить Джейми и вышвырнуть его на улицу. «Неужели он не знает, с кем имеет дело?!» Наконец, в вестибюле показался один из приятелей Питерсона, который увлек друга к бару так, словно приманивал добермана свежим куском мяса. Питерсон удалился, ворча

себе под нос. Джейми вздохнул, отнюдь не впервые чувствуя себя приглашенной звездой в какой-нибудь британской комедии положений.

Начался и закончился шестичасовой наплыв гостей. Через двери кавалькадой проходили налившиеся пивом сливки общества Брисбена: от совладельцев юридических фирм до телеведущих, заправил Австралийской футбольной лиги, вышедших в тираж звезд крикета, членов парламента штата – и многие другие персонажи, но только не молодые женщины. Воцарилась тишина, единственными звуками, проникавшими сквозь гранитные стены, были приглушенный шум уличного движения, затихающее биение близившегося к концу рабочего дня и пробуждавшийся пульс ночной жизни большого города. Вестибюль опустел, покой иногда нарушали члены клуба, выходявшие из него более пьяными и довольными, чем когда пришли. Как только последний из них, пошатываясь, вышел на улицу, Джейми погрузился в научно-фантастический роман, время от времени озираясь через плечо, как бы его за этим занятием не застучало начальство или кто-то из шишек Брисбена. Это, в противовес вечерней суматохе, было не таким уж плохим способом зарабатывать восемнадцать долларов в час.

Часы пробили два. Джейми вздрогнул и словно вышел из транса, удивившись тому, как быстро пролетели шесть часов. Царила тишина: персонал разошелся по домам, все члены клуба уже улеглись в постели, вдоволь напившись пива,

а рядом с ними спали их спутницы из службы эскорта.

Джейми шел по ночному городу к торговому центру «Майер» – молодой рыжеволосый человек с тонкими ногами, шагавший быстрой пружинистой походкой, звонко стуча по тротуару каблуками начищенных ботинок, засунув руки в карманы, в одном из них поигрывая большим и указательным пальцами долларовой монетой. Какой-то нищий выучил его график и вот уже несколько недель пытался перехватить Джейми по пути к автостоянке. И, словно по расписанию, у центра «Майер» его встретил старик, источавший густой запах дешевого вина и похожий на опустившегося Санта-Клауса. Он что-то пробормотал о погоде, потом изобразил удивление и восторг, когда Джейми сунул ему доллар, словно такой милости никак не ожидал, и смена Джейми закончилась потоком благодарностей, что хоть немного его порадовало.

Не в первый раз задумываясь, за каким чертом он получил степень бакалавра, он завел «ниссан». Двигатель заскрежетал и закашлял, как заядлый курильщик. По дороге домой Джейми увидел еще одного клоуна.

* * *

Свет фар мазнул по закрытым магазинам в районе Нью-Фарм и высветил его, стоявшего у двери бакалейной лавки. Это был не тот клоун, что прошлой ночью. У этого клочки темных волос торчали, словно щетина, на его круглой, как

баскетбольный мяч, голове. И одет он был иначе – в простую красную рубаху, похожую на старомодное хлопковое нижнее белье, туго обтягивавшую его грудь и живот, и такого же стиля штаны, с застежками сзади. «Клоунскими» в нем были лишь раскрашенное лицо, пластиковый нос и огромные красные башмаки. В остальном он мог вполне сойти за алкоголика лет пятидесяти с небольшим, заблудившегося по дороге домой или ищущего «любви» в темном переулке.

Проезжая мимо, Джейми разглядел, что клоун, похоже, был в отчаянии, он судорожно вскидывал вверх руки и на что-то жаловался небесам. В зеркало заднего вида Джейми заметил, как клоун исчез из виду, нырнув в проем между бакалейной лавкой и магазином садового инвентаря.

Джейми с радостью оставил бы все как есть: по улицам разгуливали какие-то психи, но в этом районе это никого не удивляло. Он добрался бы до дома, поднялся по задней лестнице в душ, выложил корм бесчисленным бездомным кошкам, тихонько вернулся к себе в комнату, помастурбировал под скачанную из интернета порнушку, а потом рухнул бы на кровать, готовый завтра повторить все заново. Но у его машины на уме было совсем другое. В огромном металлическом брюхе заскрежетало от несварения, а потом запахло маслом и дымом. Наполовину одолев улицу, маленький «ниссан» заглох.

Джейми треснул кулаком по пассажирскому сиденью, отчего кассеты посыпались во все стороны, словно пластики-

вые тараканы. До дома оставалось четыре улицы и все время в горку. Он уже разминал ноги перед тем, как начать толкать взбунтовавшуюся колымагу к дому, как вдруг услышал странный голос:

– Гоши!

У Джейми екнуло сердце. Позади него голос снова произнес:

– Гоши?

Он забыл о клоуне. А этот голос был точно клоунский: глуповатый, нарочито обеспокоенный и по-детски плаксивый, но при этом принадлежал мужчине средних лет. Его интонации вызвали в голове у Джейми образ деревенского дурачка, бьющего себя молотком по ноге и спрашивающего, почему ему больно. Клоун позвал снова, но теперь громче:

– Гоши-и-и-и?!

Гоши? Это что, ругательство такое? Джейми развернулся и зашагал обратно к парковке у бакалейной лавки. Улицы погрузились в тишину, и звук собственных шагов показался ему очень громким. Повинуясь какому-то инстинкту, велевшему ему не высовываться, он спрятался за живой изгородью и сквозь листья увидел клоуна, стоявшего у магазина садового инвентаря, глядевшего на крышу и изображавшего огорченного родителя – запуская пятачок в волосы, воздевал руки к небу. Вел себя так, словно экзальтированная актриса на сцене, готовая упасть в обморок: руку на лоб, шаг назад, стон. Джейми дождался, пока клоун повернется

к нему спиной, и перебежал от живой изгороди к мусорным контейнерам, скрючившись, спрятался за ними, чтобы разглядеть все поближе. Клоун снова выкрикнул то же слово:

– Гоши-и-и-и!

Мелькнула мысль: «Гоши – это имя. Может, так зовут клоуна, которого я чуть не задавил. Может, этот клоун его разыскивает, потому что Гоши пропал». Похоже, все сходится. И он нашел своего друга. Клоун из прошлой ночи стоял на крыше цветочной лавки, замерев и вытянувшись, как дымовая труба. Внезапность, с которой клоун перехватил взгляд Джейми, едва не заставила его испуганно вскрикнуть. На лице у клоуна было прежнее выражение полнейшего недоумения.

– Гоши, это совсем *не смешно!* – крикнул клоун с парковки. – Давай-ка слезай оттуда. Давай-давай, Гоши, слезай вниз, ты должен! Гоши, это вовсе *не смешно!*

Гоши стоял на крыше неподвижно, сжатые кулаки прижаты к бокам, словно у капризного ребенка, глаза выпучены, губы надуты, из-под рубахи свисает живот, похожий на мешок с цементом. Он, не мигая, смотрел вниз на второго клоуна, и спускаться он не собирался, это уж точно. Похоже, его одолевал тихий приступ гнева. Он беззвучно раскрыл рот и отвернулся.

– Гоши, спускайся, ну, *пожа-а-алуйста!* Вот придет Гонко, он *та-а-к разозли-и-ится...*

Гоши повернулся ко второму клоуну, снова беззвучно

раскрыл рот и безо всякого предупреждения сделал на негнущихся ногах три шага к краю крыши и рухнул вниз. До земли было метра четыре. Он шлепнулся на бетон головой вперед с грациозностью мешка, набитого дохлыми котятами. При падении раздался громкий тошнотворный шлепок.

Джейми резко вдохнул.

– Гоши! – Бросился вперед второй клоун.

Гоши лежал лицом вниз, крепко прижав руки к бокам. Клоун похлопал Гоши по спине, словно тот всего лишь закашлялся. Бесполезно – ему, наверняка, нужна «скорая». Джейми с тревогой поглядел на телефон-автомат на другой стороне улицы.

Второй клоун снова похлопал Гоши по спине, на этот раз сильнее. Тот все также лежал лицом вниз, но теперь перекачивался с боку на бок, словно упавшая кегля. Похоже, с ним случился какой-то припадок. Второй клоун схватил его за плечи, и Гоши начал издавать звуки, похожие за закипающий чайник, пронзительно визжа:

– У-и-и-и-и! У-и-и-и-и!

Друг принялся поднимать Гоши. Встав на ноги и продолжая издавать жуткие звуки, тот тарасился широко раскрытыми изумленными глазами. Клоун взял его за плечи, прошептал «Гоши!» и обнял. Чайник продолжал надрываться, но с каждым свистком звук становился тише, пока вовсе не смолк. Когда второй клоун отпустил его, Гоши повернулся к цветочной лавке, показал на нее вытянутой рукой и беззвуч-

но открыл и закрыл рот. Второй клоун произнес:

– Знаю, но нам надо *идти!* Придет Гонко и...

Клоун обхлопал штаны Гоши, потом обшарил его карманы и что-то вытащил. Джейми не смог разглядеть, что именно, но это снова повергло второго клоуна в отчаяние:

– Ой-ой-ой! Гоши, о чем ты только *думаешь?* Тебе нельзя, не разрешается носить это с собой. Ой-ой-ой, Гонко... босс будет *о-о-чень...*

Клоун умолк и оглядел автостоянку, прежде чем выбросить какой-то небольшой предмет. Тот упал на землю, издав звон одной ноты колокольчика, и закатился в живую изгородь у тропинки, прежде чем Джейми удалось как следует его рассмотреть.

– Давай-ка, Гоши, шевелись, – сказал клоун. – Нам нужно идти.

Он схватил Гоши за воротник и потащил прочь. Джейми поднялся, не зная, то ли ему пойти вслед за этой парочкой, то ли бежать к телефону-автомату: один из этих идиотов наверняка убьется, если предоставить их самим себе. Потом он заметил еще кое-что: *третьего* клоуна. Тот стоял, скрестив руки на груди, у двери копировального центра через два дома от цветочного магазина. Джейми покачал головой, не веря своим глазам, и снова спрятался. Он сразу понял, что какие бы умственные расстройства ни одолевали первых двух клоунов, третий ими не страдал: лицо его выражало сосредоточенность, взгляд впивался в парочку, ковылявшую че-

рез парковку. Гоши и его приятель остановились. Лицо Гоши не изменилось, но второй глядел на третьего клоуна почти с ужасом. Он пробормотал:

– Привет... Гонко.

Третий клоун не шевельнулся и вообще никак не отреагировал. Он был тощий и в полном облачении – широченные полосатые штаны на подтяжках, галстук-бабочка, грим на лице, рубаха с нарисованными на ней котятами и огромная дутая шляпа. Он с прищуром смотрел на двух других клоунов, словно бандюга из гангстерского фильма: если бы он и захотел рассмешить людей, то сделал бы это только под дулом пистолета. Он оглядел автостоянку, словно выискивая свидетелей, и Джейми еще сильнее скрючился за мусорным контейнером, внезапно осознавая, что лучше всего – не попадаться никому на глаза. В ушах у него снова раздался отвратительный шлепок, с которым Гоши грохнулся на бетон, и он содрогнулся от воспоминания.

Третий клоун поманил двух других. Те подошли, неуклюже спотыкаясь.

– Мне пришлось его искать, Гонко, – начал было не-Гоши. – Надо было его найти, здесь он вообще никакой, ну просто...

– Пасть закрой, – грубо оборвал его третий клоун. – Пошли отсюда.

Он снова внимательно оглядел парковку от тропинки до мусорного контейнера. Джейми пригнулся, чтобы не по-

пасться ему на глаза, и затаил дыхание. С минуту он не шевелился, боясь, что кто-нибудь услышит его оглушительно колотившееся сердце, и все же никак не мог уяснить, чего же именно он боится. Наконец, он рискнул выглянуть из-за контейнера. Клоуны исчезли. Джейми с радостью отошел подальше от мусорной вони. Перед магазином, на том месте, где грохнулся клоун Гоши, виднелось небольшое белое пятно. Белый грим. Джейми коснулся пятна, растер между пальцев краску, чтобы убедиться, что все случившееся за последние десять минут ему не примерещилось.

Совсем недалеко послышались звуки ночного города, словно его снова включили после небольшого перерыва. Залаяла собака, где-то запищала автомобильная сигнализация. Джейми вдруг стало холодно, он поежился и взглянул на часы: без одной минуты три ночи. Дорога домой будет долгой.

Идя по тропинке, он заметил что-то у края живой изгороди, и вспомнил, как клоун шарил в карманах у Гоши, что-то вытащил и зашвырнул подальше. Он поднял небольшой бархатный кисет размером с половину кулака, сверху перехваченный белой тесемкой. На ощупь казалось, что он наполнен песком, а может, и каким-то другим порошком. Судя по тому, как вели себя клоуны, может быть, тем самым порошком, который члены клуба «Вентворт» засыпали дорожками на карманные зеркала, оставляя после себя его следы вместе с окровавленными салфетками и соломинками от коктейлей. Интересно. Он сунул бархатный мешочек в карман, и тот бил

его по бедру при каждом шаге.

Теперь начиналось самое веселое. Он поставил «ниссан» на нейтралку и принялся толкать его к автосервису, расположенному через две улицы. Проезжавший мимо водитель решил сообщить ему:

– Вот так получается, когда водишь японское дерьмо!

– Arigato gozaimasu ¹, – пробормотал Джейми.

Позже, вспоминая эту ночь, Джейми поражался тому, что главной своей бедой считал заглохшую машину и боль в спине от долгого ее толкания, что он ни на секунду не встревожился из-за небольшого бархатного кисета в кармане, на ощупь, вроде бы, наполненного песком.

¹ Спасибо большое (япон.).

Глава 2. Навязчивый сон

Дом был типичным для штата Квинсленд – несколько спален, большая общая кухня и гостиная, внешняя лестница на второй этаж. Большое старое здание на вершине холма упорно не желало разваливаться, несмотря на совершенно наплевательское отношение к нему жильцов. Краска облупилась, ступеньки задней лестницы пугающе шатались, крысы размером с опоссума обитали в перекрытиях между первым и вторым этажом, и вполне возможно, что владелец дома вообще забыл о его существовании, поскольку любая проверка обрекла бы его вместе со всеми жильцами на казнь через повешение. Комната Джейми, единственная спальня на первом этаже, была форпостом чистоты среди холостяцких зарослей, и когда он в нее входил, то каждый раз вздыхал, словно человек, вернувшийся под крышу своего личного бомбоубежища.

В противовес холостяцкому легкомыслию соседей, которым, похоже, было совершенно наплевать на уют, спальня Джейми была убрана в соответствии с одной главной мыслью: чтобы о ней подумала Светлана, русская девушка, подававшая напитки в «Вентворте», если бы вошла сюда в один из воображаемых вечеров, когда Джейми набрался смелости пригласить ее в гости. Все было тщательно спланировано и продумано: компьютер создавал впечатление того, что

хозяин идет в ногу со временем. Плакаты с Дэвидом Боуи и Трентом Резнором в сетчатых чулках говорили об открытости взглядов хозяина. Стойка с сотнями компакт-дисков и шкаф, доверху набитый старым винилом, выражали широту его вкусов и культурного кругозора. Цветы в горшках говорили о единстве с природой. Горный велосипед в углу – о его любви к спорту. Искусственный персидский ковер на полу характеризовал его как человека, умудренного опытом. Аквариум говорил о его способности к спокойным размышлениям и гуманном отношении к животным. Свисавший с потолка талисман «ловец снов» – о его духовности. Небольшой синтезатор с клавишами – о его творческих задатках. Каждый предмет походил на перо в павлиньем хвосте, призванный привлечь и поразить.

Вернувшись домой той ночью, Джейми, как и каждую ночь, тщательно осмотрел всю обстановку и убедился, что все на своих местах, что никто из соседей или бродячих торчков не украл ни один из ключевых предметов интерьера. Он с тоской поглядел на синтезатор, раздумывая, не поставить ли его на более заметное место, и в сотый раз решил оставить все как есть. Он поправил ковер, чтобы тот лежал параллельно половицам, медленно обошел свое гнездо, оценивая его критическим взглядом, и вздохнул, довольный тем, что все в порядке.

Он снял брюки, в кармане которых лежал бархатный кiset, и задумался над тем, за сколько он мог бы продать его

содержимое, если там действительно был кокаин – недостаток в покупателях, ошивавшихся вокруг и внутри дома, не будет. Пока что он оставил кисет на прежнем месте и направился наверх, чтобы принять душ. Дом являл собой жалкое зрелище. Туалет выглядел так, словно кто-то бросил в унитаз гранату и спустил воду. Кто-то слопал продуктов на двадцать долларов из запасов Джейми, пока тот был на работе, и даже не удосужился выбросить обертки. В гостиной на диване неподвижно лежал какой-то бледный наркоман, скорее всего, дружок одного из соседей Джейми – вроде бы, Маршалла. Джейми ретировался обратно к себе по лестнице, внезапно почувствовав какую-то подавленность. Это совсем не та жизнь, к которой его готовило американское телевидение. Никаких тебе свадеб в финале романтических комедий, никаких тебе женских университетских клубов с веселыми проделками и девчонками в мокрых футболках. Лишь неоплаченные счета да грязная посуда в мойке.

В комнате Дэвид Боуи – в широких клешах, мотыляющихся вокруг щиколоток – глядел на него с постера взглядом папаши-андрогина. Джейми рухнул на кровать, поставил будильник и вдруг замер: надо ведь сначала взглянуть на бархатный кисет, нет? Он вытащил его из кармана брюк. Тот был чуть тяжеловат для своих размеров. Джейми переброшил его из руки в руку и услышал очень слабый звук, словно перекатывались стеклянные шарики. Он развязал белую тесемку и поднес мешочек к лампе. Внутри лежало множество

крохотных бусинок, сверкавших на свету, как измельченное стекло. Он сжал кисет. Теперь, когда тот был открыт, звук стал громче и походил на маленький ветряной колокольчик. Джейми осторожно потрогал пальцем порошок: на ощупь тот был мягким, как пепел.

Он положил кисет на прикроватный столик, выключил лампу и улегся. Наверху заскрипели половицы – кто-то направился в кухню, чтобы дожевать то, что осталось от его провизии. Джейми лениво размышлял, что же случится в тот день, когда он навсегда отсюда свалит, и с этой обыденной мыслью заснул.

* * *

Сон приходит с такой ясностью, что Джейми будто не спит, что он вовсе не спит, а по-прежнему сидит в облаке вони, скрючившись за мусорным контейнером. Ему кажется, что он толкал свою машину к автосервису во сне, из которого его только что выдернули.

Чей-то голос орет:

– Где ты, сволочь? Чтоб тебе лопнуть, это преследование во сне – чистая подстава. Сколько мешочков этот торчок взял с нас за это? ДУПИ! Давай живей, урод. Мы тут не на сафари.

– Прости, Гонко, я просто, я... – отвечает знакомый Джейми плаксивый голос.

Первый голос принадлежит Гонко, тощему клоуну, и Джейми видит его, взглянув над крышкой контейнера. Гонко рыщет по парковке, каким-то образом умудряясь ступать бесшумно, как убийца, несмотря на свои нелепые огромные красные башмаки. Его каменное лицо прорезают зловещие морщины. Похоже, этим лицом что-то терли, как шкуркой, а потом макали в виски. Его глаза прячутся в узеньких щелках, сверкая холодным блеском и впиваясь во все увиденное, словно ледяная сосулька.

Скрючившись за контейнером, Джейми понимает, что Гонко ищет две вещи: маленький кисет с порошком и того, кто его украл. У него тут же начинается сосать под ложечкой, потому что кисет не дома в надежном месте, а здесь, у него в кармане. Он подумывает, а не швырнуть ли кисет через всю парковку, а потом дать деру, но один лишь взгляд на Гонко заставляет его отказаться от этой мысли. Двигаясь, словно ярко обряженное чучело, этот настырный клоун, кажется, одной только своей походкой говорит: «Э нет. Я поймаю тебя, братец. Прячься дальше. Мой тебе настоящий совет». Нет никакого сомнения в том, что Гонко прикончит его, если найдет.

Переползая на четвереньках к другому краю контейнера, Джейми замечает еще двух клоунов. Их имена он тоже знает. Первый, конечно же, Гоши, а второй, с черной щетиной на голове, – это Дуни. Джейми как-то догадывается, что они братья. Гонко прекращает рыскать, поворачивается к

ним и говорит:

– Да не стойте столбом, вы, пара уродливых сисек. Ищите его. Он где-то здесь.

Высунув голову из-за контейнера, Джейми видит, как Гоши резко оборачивается и смотрит прямо на него. Он встречается взглядом с нечеловеческими глазами, и это парализует его. Гоши дважды беззвучно открывает и закрывает рот. Остальные клоуны смотрят в другую от Гоши сторону, и это хорошо, поскольку Гоши поднимает негнущуюся руку и указывает прямо на контейнер и на Джейми. Гоши снова безмолвно шамкает ртом, и Джейми охватывает леденящий кровь ужас.

– Выходи, выходи, где ты там! – нараспев выкрикивает Гонко. – В салочки сыграем. Разгонюсь, догоню и осалю я тебя...

Раздраженный Гонко бьет ногой по припаркованному «БМВ» с такой силой, что бампер отваливается, а водительская дверь слетает с петель с металлическим скрежежетом. Гоши все так же глядит на Джейми, в одном глазу у него – холодная беспощадность хищника, в другом – недоумение. Способность совмещать эти два взгляда придает лицу какое-то похабное выражение, как будто ум клоуна поровну разделен между придурком и рептилией. На негнущихся ногах Гоши делает несколько шагов к контейнеру, и Джейми прячется. Прямо у него над головой вспыхивают глаза Гоши, рука его тянется внутрь контейнера, и Джей-

ми стоит огромных усилий, чтобы не завизжать... Но Гоши всего лишь достает пустую пивную банку и разглядывает ее, словно это головоломка, которую надо решить. Он снова хлопает ртом, и на него оглядывается Дупи.

– Гоши, брось ты это. Брось, Гоши, это не смешно!

Гоши еще немного рассматривает банку, потом бросает ее на землю рядом с ногой Джейми и плетется обратно к двум другим клоунам. Но он обо что-то спотыкается и тяжело падает на асфальт.

– Гоши! – кричит Дупи, бросаясь к нему.

Гоши катается по земле, крепко прижав руки к бокам, и снова визжит, как кипящий чайник:

– У-и-и-и-и! У-и-и-и-и!

И тут Джейми просыпается, на кухне у него над головой закипает чайник, его звук проникает через половицы и доходит до него пронзительным клоунским визгом.

*** * ***

Джейми проснулся с каким-то тревожным чувством, что он слишком хорошо выспался. Небольшой будильник подтвердил его опасения: три часа дня. Ни секунды не думая о приснившемся, он заметался по комнате, лихорадочно ища одежду для работы, полотенца, носки, бумажник – все то, что куда-то попряталось за ночь. Вверх по задней лестнице, в заднюю дверь, и... разумеется, в душе уже кто-то был. Он

забарабанил в дверь.

– Отвали! – Похоже, там плескался его сосед Стив, непревзойденный похититель еды.

– Хорош, приятель, я опаздываю! – заорал Джейми, снова колотя в дверь.

Вода продолжала литься, дверь приоткрылась, и в коридор выплыло облачко пара. Показалось круглое мальчишеское лицо, мокрое от воды, с задумчивым выражением и вопросительно задранной бровью. Из-за двери вылетела огромная мокрая рука и ударила Джейми в грудь, отчего тот плюхнулся на пол. Потом дверь тихонько закрылась.

– Это оскорбление, – произнес Джейми, обращаясь к потолку.

Он поднялся на ноги и стоял, глядя на дверь, разинув рот и качая головой. «И ты собираешься все это стерпеть? – спросил внутренний голос. – Сумеешь за себя постоять! Господи, хоть раз в жизни сумеешь за себя постоять...»

Не сегодня. Вместо этого он направился на кухню, чтобы выпить кофе и проглотить бутерброд. Он распахнул дверь холодильника и зашипел сквозь сжатые зубы – его хлеб исчез, почти все молоко тоже.

– Боже, неужели я прошу от жизни слишком многого? – прошептал он.

Он огляделся в поисках съестного, тщетно надеясь найти хоть что-то в захлавленной холостяцкой кухне. На глаза ему попались только пакеты из-под лапши быстрого приготовления.

ния, остатки которой свисали со столешницы, словно черви.

– Мать вашу! – рявкнул он и пнул ногой дверь холодильника, когда его накрыла волна жгучей злобы. Он сбежал вниз по лестнице за ботинками, теряясь в догадках, каким же образом добиться *хоть какого-то* уважения со стороны соседей.

Взгляд его упал на лежавший на прикроватном столике бархатный кисет. Помедлив самую малость, он схватил его, отчего тот звякнул, как крохотный колокольчик. Если там наркотик, наверное, сейчас самое время узнать его действие, а еще лучше – побочные действия. Взлетев по лестнице обратно на кухню, он открыл почти пустую бутылку с молоком и всыпал туда немного порошка, потом встряхнул бутылку и поставил ее обратно в холодильник. Если Стив останется верен себе, то очень скоро забалдеет, а к ужину, наверное, расписхуется. Джейми ополоснул подмышки над кухонной раковиной, вытерся полотенцем, оделся и уехал на работу.

Его смена прошла без происшествий. Он и предполагать не мог, что это были последние восемь часов покоя, которого он лишится очень и очень надолго.

Глава 3. Навязчивая явь

Выйдя из такси, он почувствовал что-то неладное. Было двадцать минут первого. Улица погрузилась в тишину, и он не видел ничего, что бы подкрепило это чувство, но оно не отступало. *Что-то тут происходит... Что-то не так...*

Он заметил, как занавеска в спальне Стива слегка шевельнулась, словно кто-то только что отошел от окна. Свет погас.

У двери своей спальни Джейми на мгновение замер, приложив палец к выключателю и прислушиваясь сам не зная к чему. Внезапно показалось, что вокруг стало как-то слишком тихо.

Он щелкнул выключателем и тут же уронил на пол сумку, издав хрип, словно поперхнулся. По комнате как будто ураган прошел. Телевизор разбит, в экране зияла дыра, очертаниями напоминавшая подошву ботинка. Монитор компьютера изуродовали похожим образом, и он валялся на полу, словно отрубленная голова. Окно разбито, и сквозь дырку с острыми зубчатыми краями он увидел свое нижнее белье, болтавшееся на соседском заборе. В аквариуме брюхом кверху плавала рыбка, на нем цветным карандашом было написано: «Покойтесь с миром», а рядом пририсован пенис. Синтезатор, обошедшийся ему в тысячу четыреста долларов, валялся по всему полу, разбитый на мелкие кусочки. На подушке лежала огромная куча дерьма, свернувшаяся, слов-

но жирная змея. Ящик прикроватного столика лежал на полу, а его содержимое было рассыпано по всей комнате. Маленького бархатного кисета он нигде не обнаружил.

Но что все это значило? Кто-то ведь все это *сделал*. В тот момент смятения именно это казалось верхом абсурда, как будто землетрясение стало бы более логичным объяснением. Господи, *зачем?* Кто бы все это *натворил?*

Пятясь из комнаты в коридор, он надеялся, что зайдет в нее снова, и вся эта жуткая сцена исчезнет, как мираж. Сгорбив плечи и качая головой, он проковылял по задней лестнице на кухню. Включил чайник, и тут ему в нос ударил запах рвоты. Ярко-красная блевотина напрочь забила раковину и расплескалась по полу. Он стоял в подсыхающей лужице рвоты. Он, словно в трансе, смотрел на нее, пока свист закипевшего чайника не вывел его из оцепенения.

Гоши. Эта мысль пронеслась у него в голове фоновым шумом. Словно в тумане, он налил в чашку воды, достал из холодильника молоко и заметил, что на среднюю полку кто-то подложил дохлую летучую мышь, рядом с упаковкой картофельного салата. Ее белые клыки застыли в злобном оскале. Джейми равнодушно поглядел на нее, отхлебнул кофе и позволил двери холодильника захлопнуться.

Из кухни он прошел в гостиную. Там обнаружился еще больший разгром, на стене кто-то написал шоколадным мороженым: «ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВИНЬИ». Эти слова что-то смутно ему напоминали, и через пару секунд он вспомнил,

что такое послание оставили члены семьи Мэнсона кровью жертв после устроенной ими резни. С вентилятора под потолком свисала тонкая веревка с петлей, в которой болтался подвешенный за шею плюшевый мишка. Из зиявшей в его вспоротом заду дырки торчал листок бумаги. Джейми вытащил его и прочел написанные цветным карандашом огромные буквы: «ПРАЩАЙ ЖЫСТОКИЙ МИР». На полу валялись куски пластмассы и провода, сложенные в буквы, и в обломках он узнал останки телефона. Буквы образовывали слова: «ЕВО НЕТ ДОМА». Джейми несколько отстраненно отметил, что эту часть разгрома совершали с продуманным расчетом, словно на контрасте с неуправляемым буйным разгулом вокруг. В каждом действии был даже какой-то артистизм.

Джейми отхлебнул кофе, медленно поднеся чашку ко рту недрогнувшей рукой. Взгляд его упал на небольшой красный предмет рядом с развороченным телевизором. Он наклонился, чтобы его поднять, решив сперва, что это резиновый мячик. К предмету крепился белый пластиковый шнурок – это оказался накладной нос. Он пару секунд покачал его на указательном пальце, потом снова бросил в кучу мусора.

Тут он услышал всхлипывание, доносившееся из какой-то спальни. Он медленно пошел на звук, под ногами у него хрустели и трещали какие-то обломки. Он прошел мимо двери Маршалла, водившего дружбу с наркоманами. Мимо двери Натаниэля, тратившего деньги, собранные на оплату счетов.

В обеих спальнях было тихо – плач доносился из комнаты Стива. Дверь была открыта, свет выключен. Джейми выжидающе стоял на пороге, потягивая кофе. Всхлипывание прекратилось. Он слышал, как Стив дышал шумно и прерывисто, то и дело хлюпая носом, и, наконец, прошептал:

– Джейми?

– Стив, – придушенно отозвался Джейми, – что происходит? Почему дом?.. Почему в доме, блин, такой *разгром*, Стив?

Где-то на улице завывала полицейская сирена и затихла вдали. Джейми разглядел темный силуэт ворочавшегося на кровати Стива.

– Не знаю, – в конце концов, ответил Стив. – Пришли эти парни... точно не помню... что-то такое... я тоже что-то сделал из этого, потому что если бы отказался...

Джейми моргнул.

– Приходили *какие-то парни*, так, Стив? Ты сейчас в этом уверен? И что именно за *парни*?

В глубине души Джейми понимал, что клоунский нос – не тонкий намек. Он специально затеял эту игру, стараясь ухватиться за более логичное объяснение – что все это дело рук Стива.

Стив снова расплакался. Джейми предполагал, что тот чувствовал, как у его порога быстро нарастает какая-то угроза... Политические свиньи – это, мать его, правильно, только такие слова не пишут мороженым. Джейми шагнул в темную

спальню. Стив заворочался на кровати, заскрипели пружины. Джейми потянулся к выключателю.

– Не надо... – начал было Стив.

Вспыхнул свет. Круглое лицо Стива было перемазано жирными красками всех цветов радуги. Вокруг рта алой помадой была намалевана широченная улыбка. Голова и волосы полностью окрашены в белый. По этой омерзительной маске текли слезы, образуя темные бороздки. На шее у него болтался пластиковый красный клоунский нос, а одет он был в цветную рубаху с манжетами из белых рюшей. В спальне царил такой же разгром, как и по всему дому. Стереосистему вывернули наизнанку. На половине пола черные выжженные отметины, словно следы от ударов кнутом.

Джейми выронил чашку. Она разбилась, облив его ботинки остатками кофе.

– Стив? – прошептал он.

– Те парни... – заговорил Стив, продолжая всхлипывать. – Они вошли и просто... схватили меня, нарядили... в эту дрянь. Это, наверняка, приятели Маршалла, наркоманы. Может, он им денег должен или что еще, и они явились разбираться. Они были одеты как... клоуны.

Конечно же, как клоуны. Джейми присел на корточки от внезапного приступа головной боли.

– Сколько их было? – спросил он.

– По-моему, трое. Они начали снизу. Я слышал удары и звон стекла... Я решил, что это ты разошелся, и спустился

сказать, чтобы ты утих, понимаешь? Тощий схватил меня, и... – Стив помахал дрожащей рукой перед лицом. – Там еще двое других было. Один все повторял: «*Это не смешно, это не смешно*». А второй издавал какой-то совершенно *жуткий* звук... вроде...

– Кипящего чайника, – пробормотал Джейми.

Стив, похоже, не расслышал его.

– У тощего был нож. Он сказал, что если я им не помогу тут все разгромить, он меня на куски изрежет. Так что пришлось.

– И ты им подсобил, – эхом отозвался Джейми.

Стив с укором посмотрел на него.

– А что мне оставалось делать. Трое на одного. Тот тощий наверняка бы меня искромсал, ты бы его видел. Ему очень хотелось это сделать, очень. А мне пришлось делать, что велели. Телик они разбили...

– А надпись мороженым на стене, кто ее сделал?

– Тощий клоун, – ответил Стив. – Почему – сам не знаю. Я даже не знаю, что она означает.

– А рвота на кухне?

– Моя, – прошептал Стив, вытирая нос рукавом. – Но это случилось до их прихода. Я пил, а у меня все обратно выходило. И так целый день.

Пил. Джейми уперся взглядом в полупустую чашку с остывшим кофе на прикроватном столике Стива. Потом поглядел на осколки у себя под ногами, где холодный кофе

растекался по полу. Всплыло неприятное воспоминание: он увидел себя, подсыпаящего щепотку загадочного порошка в молоко, чтобы отомстить Стиву за хамство в душе и за то, что тот ворует еду. Джейми хватило времени лишь на то, чтобы невесело улыбнуться, прежде чем его накрыл приступ тошноты. Живот скрутило так, словно ему хорошенько врезали. Рвота подступила к горлу, щеки его вспыхнули. Он ринулся по коридору, спотыкаясь об обломки, и едва успел добежать до раковины на кухне.

Когда все кончилось, он подставил под бежавшую из крана воду сложенные ладони и прополоскал рот, стараясь смыть отвратительную кислятину. Перед глазами у него плясали белые мушки. Он глядел на свое отражение в кухонном окошке. «И что теперь?» – мелькнула мысль.

А теперь придут клоуны. Полный бред, конечно же, но он почему-то знал, что они на подходе.

Что, как оказалось, было не совсем так. Они уже были здесь.

* * *

Джейми был в ванной, полоскал рот зубной пастой, когда услышал слабый шум, доносившийся из спальни внизу. Он замер, надеясь, что ему показалось. Последовало с полминуты тишины, после чего клоуны возвестили о себе. Бум, скрѐб, бур-бур-бур, кипящий чайник, БА-БАХ.

Все эти звуки раздавались из его спальни. Он простонал и ринулся из ванной на кухню, поскользнулся на рвоте и грохнулся на пол. Больно и громко. Звуки разгрома вдруг стихли, повисла настороженная тишина, вскоре нарушенная приглушенным выкриком «Гонко, это не смешно!», после чего раздался треск ломаемого дерева.

Джейми поднялся и стал шарить в ящике в поисках ножа побольше, но самое подходящее, что он нашел, – это скалка. Схватив ее, он вылетел через заднюю дверь, чувствуя себя идиотом: это было явно не то оружие, которым пользовался Чингисхан. Спустившись по лестнице, он замер и прислушался.

– Гонко, пожалуйста! – с чувством произнес плаксивый клоун.

После чего раздался жуткий грохот, затем последовало более тихое и страшное шипение – что-то загорелось.

Джейми испуганно взвизгнул и бросился к своей спальне. Из-под двери пробивались оранжевые сполохи. Три клоуна стояли к нему спиной. Плаксивый с черными щетинистыми волосами аккуратно поднимал подушку с кровати Джейми. Похоже, он спасал кучу дерьма от бежавших по одеялу язычков пламени, словно держал на руках спящего младенца. Рядом стоял Гоши, повернувшийся к Джейми в профиль. Лицо его по-прежнему выражало удивление, будто он видел все это в первый раз. Он чуть повернулся, заметил Джейми, глаза его сузились, словно он проводил сложные математиче-

ские расчеты. Он беззвучно раскрыл и закрыл рот.

Тощий клоун тоже обернулся, глядя на Джейми прищуренными глазами. Испещренное морщинами лицо выглядело демонически в пляшущих языках пламени.

– А-а, привет, дружище, – произнес он с деланной веселостью. – А мы тут как раз о тебе говорили.

Все трое бросились к нему. Гоши раскинул руки, как трехлетний ребенок в ожидании объятий, тощий – как футбольный хулиган, а плаксивый – все время за что-то цепляясь и спотыкаясь. За их спинами горела ярким пламенем постель Джейми, чтобы лучше разгоралось, они отодрали со стен доски и бросили на кровать.

Джейми сделал шаг назад и поднял руки, готовясь к драке, хотя уже понимал, что ему конец. Он раньше никогда ни с кем не дрался, максимум – угрозы в адрес других водителей в пробках. От страха у него подогнулись колени, и он изо всех сил швырнул скалку. Как это ни удивительно, но его бросок попал в цель – вращавшаяся скалка одним концом угодила прямо в Гоши. Она ударилась об его отвислый живот, отскочила и полетела напрямиком на Джейми – деревяшка нацелилась ему прямо в глаз. Он повернулся, чтобы защитить лицо, и скалка угодила ему в боковую часть головы. Он рухнул на пол и отключился, полностью сдавшись на милость клоунов.

Придя в сознание, Джейми помнил лишь о том, что реальный мир – место очень неприятное, и ему захотелось снова оказаться в отключке. Минуту-другую это получалось, но было все труднее оставаться в полусне, когда кто-то вбивает в голову палаточный колышек с четким четырехдольным ритмом. Он обхватил голову руками и жалобно застонал, потом осознал, что ниже пояса тоже что-то неладно. Ему что-то вставили в анус. Господи, там точно что-то есть. Дрожащей рукой он похлопал себя по заду и нащупал что-то торчащее наружу. Он вытащил это что-то, захрипев от жуткой скребущей боли. Это оказался свернутый листок бумаги.

Бам, бам, бам. Колышек стали вбивать чаще, как только он сел. Затем на него обрушился запах – совершенно жуткая вонь прокисшего пива и мусора. Он с трудом открыл глаза и увидел свою комнату в новом декоре. В стене зияли дыры от оторванных досок: похоже, клоуны пытались изобразить ими какую-то картинку – нечто вроде смайлика, но работа, наверное, оказалась им не под силу. Кто-то притащил с улицы мусорный бак и рассыпал по полу его содержимое – хлам и пустые бутылки.

Он встал, качнулся и снова опустился на корточки. Взгляд его упал на выключатель: вокруг него с другой стороны вбили гвозди, так, что они бы впились остриями в руку, пыта-

ющуюся нащупать выключатель в темноте. Джейми едва не восхитился тем, какую же кропотливую работу проделали клоуны.

На его столе красовалось нечто совершенно бессмысленное: ваза с маргаритками, целехоньякая и представляющая дивный натюрморт посреди всеобщего разгрома. А чуть дальше, на обугленном пепелище, некогда бывшем его кровати, лежало что-то похожее на поздравительную открытку. Он доковылял туда, хрустя по битому стеклу, и взял ее в руки. Открытка была в форме красного сердечка с надписью «Самому любимому». И женские губы, намалеванные помадой.

Мозги у Джейми скрипели и визжали, словно глохнувший двигатель. Зачем все эти *любезности* посреди развалин?

Он поглядел на шкаф, теперь опустевший. На верхней полке лежала его одежда для работы, выглаженная и аккуратно свернутая, подготовленная для его очередной смены в клубе. К задней стенке шкафа кто-то приколотил мертвого опоссума в дикой пародии на распятие.

С потолка что-то капнуло и растеклось у него по голове. Он провел рукой по влажному пятну, головная боль билась в такт с пульсом. На полу из битого стекла и мусора был выложен силуэт человека. Рядом валялась бумажка, которую он вытащил из задницы. Он развернул ее и прочитал строчки, написанные аккуратным почерком золотистыми чернилами:

«Я оценил номер со скалкой. Мы его используем. Мы используем еще и ТЕБЯ. У тебя два дня, чтобы пройти пробу. И лучше тебе ее пройти, парень. Ты поступаешь в цирк. Разве это не самое лучшее известие за всю твою жизнь? Самое охренительное. Тебе повезло, что новый ученик не справляется. Я убью этого сукиного сына, вот сам увидишь.

Гонко от имени Дупи, Гоши, Уинстона и Рафшода
Труппа клоунов. Цирк семьи Пайло.

P. S. Еще раз у меня украдешь – я тебе яйца отрежу».

Джейми смял записку в кулаке и бросил на пол, гадая, какой же в ней может крыться смысл.

Согласно часам, которые каким-то чудом еще работали, до его смены оставался час. Проходя мимо туалета на первом этаже, он заметил, что всю его остальную одежду запихали в унитаз. Еще одна капля шлепнулась ему на голову. Он снова машинально смахнул ее, но пахла она так, что ему пришлось обратить на нее внимание. По тыльной стороне ладони текли бурые струйки. Сбитый с толку, он уставился на потолок. Сквозь щели между половицами, словно тающий снег, текли нечистоты из канализации.

Джейми удалось спокойно выйти и вымыть голову под краном в умывальнике, прежде чем его закачало и тихо вырвало.

Второй этаж дома представлял собой сплошной кошмар.

Похоже, клоунам как-то удалось запустить канализацию в обратном направлении и выплеснуть наружу все, что успело скопиться в трубах в обозримом прошлом. Вонючая жижа разлилась по полу в кухне, в ванной и в коридоре, медленно подбираясь к спальням, словно медленно прибывающий прилив.

Со стойкостью и невозмутимостью почтальона, он смог добраться до работы. Когда он вошел в клуб, кое-кто из коллег и гостей спросил, все ли с ним в порядке. Он отмахнулся, что все прекрасно, уставившись куда-то вдаль. После шестичасового наплыва он ответил на два звонка. Первый был от Маршалла, звонившего из автомата, с требованиями объяснений. Джейми повесил трубку. Второй был также от Маршалла, на сей раз истерично визжавшего на грани паники. Он умолял рассказать, что же произошло. Джейми снова повесил трубку и вытащил телефонный провод из розетки.

Он едва мог реагировать на внешние раздражители. Бухающая головная боль стала постепенно утихать, сделавшись хотя бы терпимой. Когда часы пробили два, обозначив конец его смены, он схватил универсальные ключи, отправился в свободные апартаменты, повесил на дверь табличку «Не беспокоить» и рухнул на кровать.

В окно лился лунный свет. Джейми наслаждался покоем, ведь толстые гранитные стены глушили городской шум. Всего в нескольких метрах от него улицы кишели последними посетителями ночных клубов, ищущими выпивки и спут-

ниц, – обычная летняя субботняя ночь в Брисбене. Женщины, легкомысленно одетые и блестящие от жары, пытались выглядеть так, словно вышли со съемочной площадки сериала «Секс в большом городе». Если приглядеться поближе, то можно было заметить манерность американских старлетов, которым они поклонялись: те же жесты, те же томные интонации, те же потуги выглядеть *сексуа-а-альными*. Тем временем мужчины, не обращавшие на это никакого внимания, похотливыми стаями кружились рядом, затянутые в джинсы и в мокрые от пота рубашки. Проклятие рабочего класса в самом разгаре. Лежа на кровати, Джейми утешался мыслью, что все как обычно идет своим чередом. Бывают времена, когда даже самая скучная обстановка оказывается комфортной, и понимание того, что она не изменится, означает, что хоть на *что-то* в мире можно положиться.

Он и не надеялся уснуть той ночью, но понял, что постепенно засыпает, и с радостью закрыл глаза, чтобы воспользоваться выпавшей ему передышкой в часок-другой.

* * *

Что-то упиралось ему в шею. В комнате было по-прежнему темно. Он проснулся, словно вынырнул из-под воды, ловя ртом воздух и цепляясь за одеяло. Сны ему опять снились ужасные – снова клоуны, на этот раз допрашивавшие его о местопребывании. «До скорой встречи», – пообещал ему то-

щий.

На часах была половина пятого. Джейми ошупал затылок и нашел какой-то пластиковый предмет. Он пошарил в поисках выключателя прикроватной лампы. Как он и предполагал, в руке у него оказался красный клоунский нос. Ему пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы не расплакаться, – это показалось ему последней каплей. Но он знал, что это не так. Они еще не закончили. «Сам знаешь, клоуны могут быть где-то здесь», – подумал он.

Он резко вскочил на ноги, внезапно окончательно проснувшись от того, что его осенило: клоунский нос – не просто продолжение его кошмарного сна. *Они были здесь.* Они почти наверняка еще в здании. Может, даже в этой спальне.

Он принялся лихорадочно озираться, заглянул под кровать, в шкаф, в туалет. Все чисто. Он заправил постель, разгладил покрывало и, уже собравшись уходить, заметил что-то на внутренней стороне двери. Конечно же, еще однадохлая летучая мышь – что же еще? Ее прибили к двери гвоздем, прошедшим через череп, и ее жуткая мордочка застыла в оскале. Из пасти торчал листок бумаги, свернутый как сигарета. Джейми с содроганием вытащил бумажку, развернул ее и прочел:

«Крепко спал? У тебя тридцать часов до пробы. Рассмеши нас, парень. Это тебе задание. Нам плевать, как ты это

сделаешь. Нам плевать, если кто-то покалечится или погибнет. Будет улыбка – ты прошел. То же относится к твоему приятелю. У него до пробы двадцать два часа.

Гонко от имени Цирка семьи Пайло».

Джейми сунул записку в карман и открыл дверь, скривившись при виде трупика летучей мыши, которая скалилась в ответ. В холле все было тихо, откуда-то сверху пробивались первые слабые лучи рассветного солнца. В полумраке ничто не двигалось. Из одной из спален до него донесся слабый шум пылесоса. Он подбежал к лифту, нажал кнопку и, как только двери открылись, услышал голос, крикнувший изда-лека:

– Это не *смешно!*

Он замер и сдавленно захрипел, но после пары секунд последовавшей тишины решил, что голос ему послышался, хотя мысль о галлюцинации тоже была не утешительной. Лифт привез его в вестибюль, входные двери были прочно заперты, как он их и оставил. В сводчатой галерее снаружи также не наблюдалось признаков жизни, ворота были заперты с обеих сторон. Как же клоуны попали сюда, если не через парадные двери? Он подумал о двери рядом с кухней, выходящей в небольшой проулок, где ездили мусоровозы. Они могли перемахнуть через забор и взломать дверь, но на многолюдной улице их должны были заметить. Единственный способ, который он мог себе представить, – это взобраться

по стене здания как Человек-паук и залезть в окно на верхнем этаже.

Он сел за стойку ресепшна и прислушался. Доносились лишь мирные звуки уличного движения – целая флотилия такси развозила по домам подвыпивших посетителей ночных клубов. Он включил два монитора системы безопасности, и экраны осветили темный вестибюль слабым сероватым сиянием. Камера показывала черно-белую картинку из кухни – там было пусто. Через несколько секунд камера переключилась на один из коридоров, тоже пустой. Потом на задний двор и ряды черных мусорных баков. Там все тихо. Затем в подвал.

Вот где они.

Понадобилось несколько секунд, чтобы увиденная сцена его по-настоящему напугала. Клоун Гоши пялился прямо в камеру, и казалось, что он смотрит Джейми в глаза. Рука у Гоши была вытянута, в ладони он сжимал зажигалку, ее крохотный огонек плясал, словно продолжение его большого пальца, искажая изображение вокруг себя. За спиной у Гоши стояли... один, два, *три* других клоуна – они еще и приятеля своего прихватили. Те трое были чем-то очень заняты на заднем плане. Джейми увидел, как тощий клоун взмахнул топором, прежде чем монитор переключился на другой пустой коридор, а потом снова на кухню.

«Почему в подвале? – подумал Джейми. – Зажигалка. Огонь. Зачем? Что они...»

Тут он похолодел. В стену подвала были замурованы три огромных деревянных бочки, присоединенные к трубам, расходившимся в стенах клуба, словно вены, на кухню, в бар и в подсобные помещения. В бочках содержалось огромное количество моющих веществ, изопропилового спирта, скипидара и эфира. Все очень огнеопасное, и все может в любой момент рвануть.

С губ Джейми сорвался стон, и он обеими руками вцепился в стойку ресепшна. Огонь ринется вверх по трубам, зажигая стены изнутри на каждом этаже. Прежде чем сюда доберется пожарная команда, клуб превратится в объятую пламенем ловушку. Пожарные не успеют спасти брисбенских знаменитостей, превратившихся у себя в кроватях в обугленные трупы.

Джейми схватил телефон. Руки у него тряслись. Монитор переключался по кругу, других людей нигде не было. Джейми набрал код города и позвонил в службу по чрезвычайным ситуациям. Прошло три-четыре гудка. Монитор переключился на кухню. Наконец, женский голос ответил:

– Полицию, пожарную охрану или скорую помощь?

Монитор переключился на коридор.

– Полицию, – хрипло прошептал Джейми.

– Полиция, – произнес другой женский голос.

– Здравствуйте. У меня проблема с какими-то клоу... с парнями. По-моему, они собираются...

Он умолк, когда монитор снова переключился на подвал.

Никаких клоунов там не было. Деревянные бочки на заднем плане стояли, как и прежде, целые и невредимые.

– Да-да? – отозвался голос в трубке.

Джейми глядел на монитор, пока тот не переключился на кухню, где один из поваров, позевывая, направлялся включить плиты.

– Да? Где вы находитесь?

Он повесил трубку. Сидел, таращась на мониторы, переключившиеся еще два круга: никаких клоунов в подвале. Может, их там никогда и не было.

Он вышел за дверь, миновал сводчатую галерею, открыл ворота и быстро сбежал вниз по ступенькам. В ушах у него звенел вопрос: «Где вы были ночью в субботу, десятого февраля?» Он дважды оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что клуб стоит на прежнем месте, затем потрусил к стоянке такси на Эдвард-стрит, ища глазами цветастые рубахи, полосатые штаны и раскрашенные лица.

* * *

Джейми ждал такси в очереди вместе с последней волной пьяниц, отправлявшихся по домам навстречу тяжкому пробуждению и похмелью. Он заметил нескольких гуляк, упрямо ковылявших к казино, единственному месту в Брисбене, где на завтрак подавали коктейли. Джейми чувствовал себя таким же осоловелым, как самый набравшихся из них.

Прошло не так уж много времени с тех пор, как он сам был частью племени выпивох, ожидая такси в лучах восходящего солнца, с работавшей на износ печеню. Теперь, в окружении тех же звуков и запахов, он гадал, что же тогда было в этом приятного. Так уж в этом городе повелось... С двадцати до тридцати обычно пьют – или сидят на наркоте, если туда дорожка заведет. Год назад он выпивал десять бутылок пива по будням, а по выходным – уж сам не помнил сколько. Никто не видел в этом проблемы, люди одобрительно гудели, даже *превозносили* его, прости господи. Оглядываясь назад, он почти отказывался в это верить. В какой бы дом он ни приходил, везде его встречали батареи пустых бутылок, плакаты вроде «Текила – ты сегодня обнимал унитаза?», кабацкий юмор, кабацкая обстановка, приклеенные к стенам пробки от бутылок, прямо целые «храмы» алкоголизма. Это происходило повсюду, так что никто ничего не замечал.

На стоянке такси пьяные толпились вокруг него, опасные для себя и для окружающих, заплетающимися языками несшие мелодраматическую чушь. Никаких цветастых рубах, полосатых штанов и красных пластиковых носов. Здесь клоуны казались чем-то невероятным и невозможным.

Перед ним остановилась машина. Подвыпившая парочка попыталась залезть вместе с ним. Джейми отпихнул их, проявив редкую для него твердость характера, и захлопнул дверь, прежде чем парень успел попытаться применить силу. Он велел водителю ехать в Нью-Фарм, полез в карман

за деньгами и обнаружил записку, которую вытащил из пасти летучей мыши, – материальное доказательство того, что клоуны существуют.

У тебя тридцать часов до пробы. Рассмеши нас, парень...

Такси ехало по Брансвик-стрит, поток был небольшим и целиком состоял из других такси. Наступавший рассвет стягивал с города ночь, словно одеяло с незаправленной постели, высвечивая последних гуляк и медленно бредущих домой уличных девиц.

Они остановились у дома, большого деревянного здания на вершине холма. Джейми расплатился с таксистом и постарался найти достаточно сил, чтобы проявить любопытство. На ступеньках задней лестницы стоял Маршалл со шлангом в руках. Это было впервые: парни прибирались. На лице у Маршалла застыло недоумение, как у контуженного, но кто бы его винил? По ступенькам бежала вода, оставляя подтеки дерьма на боковой стене дома.

Джейми с отвращением покачал головой и направился к главной двери. Мимо него в сточную канаву медленно стекала вода. В воздухе стояла жуткая вонь. С порога он заметил соседей, тарасившихся из окон и качавших головами. Сказать ему было особо нечего. Он виновато махнул рукой, пожал плечами и вошел в дом.

Гостиная и коридор были почти очищены от последствий погрома. Кто-то вскрыл освежитель воздуха в щет-

ном стремлении хоть как-то заглушить мерзкий запах. Надпись «ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВИНЬИ» со стены смыли. Из комнаты Стива раздался встревоженный крик, когда Джейми проходил мимо. Дверь открылась, оттуда высунулась голова Стива с выпученными от страха глазами.

– Джейми? Слава богу.

На мгновение ему показалось, что Стив собирается его обнять – глаза соседа светились каким-то странным огоньком.

– Джейми, они возвращались.

Джейми устало посмотрел на него в ожидании продолжения.

– *Клоуны* возвращались, – отчетливо проговорил Стив. – Понимаешь?

– Я так и подумал, что не Свидетели Иеговы. Что случилось?

Стив схватил его за руку и втащил к себе в спальню. Он сел на кровать, а Джейми на стул – единственные предметы, уцелевшие в этой комнате. Круглое румяное лицо Стива выглядело тщательно отмытым, но еле заметные следы клоунской раскраски все еще оставались.

– Они вернулись, когда я спал, – начал Стив, подавшись вперед и переходя на шепот. – Они хотят, чтобы я и ты прошли какой-то тест. Если мы его не пройдем, они станут возвращаться снова и снова. Не знаю, кто они и что, но намерения у них серьезные. По-моему, они из какой-нибудь... как

там они называются? Религиозной...

– Секты.

– Да. Знаешь, вроде того вредителя ², который вылезает на поле во время финальных матчей, а? Может, таких ребят *сотня*, и все они организованы, понимаешь?

Джейми пожал плечами.

– Я так не считаю, но ничего лучше я тоже придумать не могу. Так что произошло-то?

– Я проснулся, а этот тощий сидел у меня на груди, скрестив ноги. Остальные стояли позади него и просто на меня тарасились. Я охренеть как перепугался. Я заорал, а этот тощий вынимает баллончик и весь рот мне забивает пеной для бритья. Я чуть не задохнулся. Он сказал что-то типа: «У тебя двадцать два часа, чтобы пройти тест». Я их спросил, что, черт подери, мне надо делать, а он ответил: «Рассмеши нас». Вот и все. Потом они ушли.

Джейми кивнул.

– Они и в клуб тоже приходили. Грозили там все взорвать.

Стив подался вперед и вцепился Джейми в ногу.

– Кто они, что они? Откуда они взялись?

Джейми пожал плечами.

– Можем только гадать. А остальным ты что сказал? Ну, в смысле про разгром.

² Речь идет о Питере Хоре (Peter Hore). Австралийце, известном своими публичными акциями, мешающими проведению спортивных, светских и политических мероприятий.

– То же, что и тебе. Что заявили какие-то парни. Но я им сказал, что это были байкеры, искавшие одного из дружок-наркоманов Маршалла, который им денег должен. Маршалл, похоже, перепугался.

– Неплохая история. И он поверил, а?

– Ну да. Маршалл чуть не обделался. Натаниэль тоже поверил. Быстро куда-то уехал. Сказал, что не вернется, пока тут все не утихнет.

Джейми встал, собравшись уходить. Канализационная вонь понемногу улетучивалась, но по-прежнему висела в воздухе, и он знать не желал, как Стив умудрился заснуть при таких ароматах.

– А больше тебе клоуны ничего не говорили? – спросил он уже с порога.

– Не знаю, они всякие странные вещи говорили. Этот тощий – конченый *псих*, я тебе говорю. По-моему, его зовут Гонка.

– Гонко.

– Точно. Слушай, Джейми...

«Сейчас он мне скажет, что ему страшно, – подумал Джейми. – Вот это класс, теперь мы товарищи по оружию. Он и я против всего мира. Просто восхитительно».

– Мне страшно, Джейми.

Стив, кажется, собрался его обнять, но Джейми быстро вышел. В коридоре трясущийся Маршалл отскребал, отмывал и разгребал все с каким-то сверхчеловеческим усерди-

ем. Похоже, перед работой он закинулся метамфетамином, который предпочитал кофе. Когда Джейми проходил мимо, он затараторил:

– Слушай, Джейми, ты уж извини за весь этот бардак. Ты не волнуйся, байкеры не вернутся, гарантирую тебе. Я тут звоночки сделал, все утряс, кажется, кто-то кого-то не так понял, ты уж изви...

Джейми хлопнул задней дверью у него перед лицом, сделав вид, что очень зол. В его комнате пол по-прежнему был усеян битым стеклом. Единственным дополнением было разбрызганное поверх разгрома дерьмо, просочившееся сверху сквозь половицы. Ваза с маргаритками и открытка – на прежнем месте. Он сделал несколько неуверенных движений, приступая к уборке своего гнезда. Ему понадобилась пара часов, чтобы убрать все до последней капли фекалий и тщательно обработать комнату дезинфицирующим составом. Он вымел пепел и проволоку, некогда бывшую его кроватью, и накрыл это место диванными подушками.

Джейми прилег отдохнуть посреди следов погрома, взгляд его упал на открытку, и он вдруг – рассмеялся. Несколько минут он лежал так, охваченный легким приступом истерии, которая грозила схватить его за горло и больше не отпустить.

Глава 4. Кастинг Стива

Он очнулся от беспокойного сна и обнаружил, что головная боль от «номера со скалкой» прошла. Предзакатное солнце сверкало на битом стекле, отбрасывая от его зазубренных осколков мириады солнечных зайчиков. Он поднялся и расчистил себе дорожку к двери в слое мусора, но тут остановился как вкопанный: к дверной ручке был приклеен листок бумаги. Он попятился назад и сердито заворчал, когда кусочек стекла вонзился ему в пятку. На глаза у него навернулись слезы, он вытащил осколок из ноги, добавив к разгрому несколько капель крови. Дрожащей рукой он потянулся к записке и понял, что разум его висит на волоске.

В записке говорилось:

«Осталось двадцать часов, парень. Надеюсь, ты что-нибудь придумал.

Гонко из Ц.С.П.».

Несколько секунд Джейми стоял, замерев; в желудке словно огромный кусок глины. На какое-то мгновение все внутри у него задрожало так, что он чуть не упал. Потом пробормотал:

– Да пошли они все.

Вот именно так: больше он о клоунах думать не станет.

Если серьезно, что они могут ему *сделать*? Убить? Он вырос в пригороде и знал, что смерть – это какая-то страшилка из фильмов и газетных заголовков. Если они еще раз появятся, он позвонит в полицию. Если они от него не отстанут, тогда он узнает у кого-нибудь из сомнительных дружков Маршалла, где можно прикупить пистолет.

Ему удалось найти лейкопластырь и заклеить ранку на пятке. Из одежды у него остался только костюм для работы, так что он натянул его и поднялся по задней лестнице, где мокрые потеки дерьма высохли на солнце, украсив стену дома причудливым узором. Наверху воняло уже меньше – кто-то там поработал этиловым спиртом. Несколько тарелок и чашек уцелели после разгрома и стояли на своем обычном месте – грязными около раковины. Джейми сделал себе кофе и пошел по дому с невозмутимым спокойствием. Из коридора он заметил что-то в гостиной.

Там, таращась на него, на диване сидел человек в просторной цветастой рубашке, в огромных красных башмаках, с выкрашенным в белое лицом и красным клоунским носом. Это был Гоши. Клоун Гоши.

Сердце у Джейми бешено забилося. Он моргнул – в гостиной никого. Ему это привиделось. Никаких проблем. Просто какой-то психоз, вызванный стрессом.

– У меня и вправду шарики за ролики заходят, – изумленно пробормотал он, и его накрыл приступ истерического смеха. Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов,

подавив паническую атаку, едва не расплакался и тут услышал чье-то всхлипывание. Стив. Джейми постучался к нему в комнату.

– Кто там? – отозвался Стив. Голос у бедняги был истеричный.

Если уж начистоту, то Стив был из тех, кто настолько привык издеваться над другими, что и представить себе не мог, что кто-то станет издеваться над ним. У Джейми было преимущество: он мог выдерживать психологическое давление. У него была масса случаев потренироваться, он знал, когда взять себя в руки и как ослабить удар.

Он подавил острое желание засвистеть как чайник под дверью Стива. Вместо этого ответил:

– Это я.

Открыл дверь и увидел своего соседа, сидящего на кровати с красными глазами и мокрыми щеками. Подумать только, меньше двух суток назад Стив был чистейшим альфа-самцом. Джейми ощутил какой-то извращенный восторг. Это ему не нравилось, но он ничего не мог с собой поделать. С приятной отстраненностью он смотрел, как Стив вытирает глаза и хлопает носом:

– Они снова приходили? – спросил Джейми.

Стив указал на комод. Рядом с фотографией матери в рамке и порнографическим журналом лежала сложенная записка, точно такая же, какую обнаружил Джейми. Он развернул ее и прочел:

«Четырнадцать часов, сопливый членосос. Соберись.
Гонко, Ц.С.П.»

– Не знаю, что им от меня нужно, – простонал Стив.

Он начал сбивчиво бормотать, что вызовет полицию, что никогда ни на что подобное не напрашивался и так далее, но Джейми его не слышал. Он лихорадочно размышлял. Во-первых, тон записки был отнюдь не дружественным. На столе лежали еще два послания, оставленные клоунами, и Джейми прочитал их:

«Тридцать часов. Время идет, урод.
Гонко, Ц.С.П.»

«Девятнадцать часов. Хватит канючить, пидор.
Гонко, Ц.С.П.»

По сравнению с ними записки для Джейми были любезными. Во-вторых, существовал запас между временем, оставшимся у Стива и у Джейми. Ах да, Джейми же был на работе, когда клоуны заявили в самый первый раз. Это означало разницу примерно в шесть или восемь часов – что подразумевало, что он сможет увидеть, что станет со Стивом, если тот не пройдет «кастинг».

– Я даже спать по ночам боюсь, – заныл Стив. – Боюсь

выходить из дома. Я даже подрочить не могу, не думая об этих гадах.

Джейми бросил его страдать в одиночестве. Из спальни Маршалла он стащил пару ботинок, спустился вниз и приготовился к генеральной уборке.

Он то и дело посматривал на часы. Прошло два часа, за которые он убрал большие осколки стекла. Потом он принес совок и собрал в кучки кусочки поменьше.

Часы пробили десять. Он принялся оттирать пятна и избавляться от запаха, и отбирал то, что можно починить, от безнадежно разбитого. Стиву оставалось примерно шесть часов.

Тик-так. Тик-так.

* * *

Он присел на диванные подушки, чтобы немного передохнуть, и опять неожиданно заснул. Разбудили его удары в дверь. Он встал и распахнул ее. На пороге стоял Стив.

Сердце у Джейми снова бешено заколотилось.

– Что тебе нужно?

Лицо у Стива было перепуганное.

– Мне надо что-то придумать.

Джейми закрыл глаза.

– О чем ты?

– Чтобы пройти кастинг. Понимаешь?

Ах да. Стив никогда не был творческой личностью. Джейми ответил:

– Слушай, забей ты на все это. Если они снова сюда явятся, звони копам. Вот и все.

– Да, но... знаешь, а что, *если*...

– Ты что, еще записку получил?

– Нет. Но... я спать не могу. Не могу от часов оторваться. Пытаюсь придумать хоть какой-то план, так, на всякий случай, но ничего на ум не идет.

– В этом нет ничего удивительного, – неделю назад Джейми не посмел бы произнести подобную ремарку вслух. – По моему, никакого клоуна из тебя не получится, Стив. Вали. Я сплю.

Уходя, Стив поглядел на него как побитая собачонка. Джейми снова лег.

* * *

Проснулся он в семь утра, проспав чересчур долго. Он поднялся на ноги, соображая, напуган он или нет. Срок кастинга Стива уже прошел.

Он поднялся наверх. Из окна кухни он заметил стоявшую у дома полицейскую машину. «Полиция! – словно сиреной завывало в голове. – Что-то случилось – они взорвали клуб! Все, мне КОНЕЦ!»

В коридоре он расслышал какие-то голоса. Он прокрал-

ся в гостиную и прислушался. Полицейские разговаривали с Маршаллом.

– Нет, не знаю, – твердил Маршалл. – В последний раз я его видел на крыше. Что он там делал – не знаю.

– И у него в комнате нет ничего подобного? – спросил один из полицейских.

– Да не знаю я! – стонал Маршалл. – Откуда мне знать, кто, мать его, хранит у себя наркотики, а кто нет? Почему бы вам самому не взглянуть? Вы же коп, так ведь?

Джейми на цыпочках вернулся на кухню и дождался, пока полиция уедет. Когда все кончилось, он услышал, как Маршалл ругается и расшвыривает вещи.

– Что случилось? – с порога спросил его Джейми.

Маршалл обернулся. Нездоровая худоба и торчащая козлиная борода должны были делать его похожим на друида. Его комнату украшали кельтские символы, на многих из них после визитов клоунов красовались разрезы и прожженные пятна. В руке он держал повестку в суд. Маршалл поднес к самому носу Джейми дрожащий указательный палец.

– Эти... *гребаные свиньи*... нашли трубку и пакетик. А там лежала травка, господи боже. Я погорел на *травке!*

Он сплюнул и покачал головой.

– Это ведь даже не очень качественная дурь. *Они знают, сколько «спидов» прошло через этот дом?* – он показал на обувную коробку, лежавшую на полу у кровати, и зашептал: – В ней я месяц назад прятал героина на пятьдесят штук. *И*

ПОПАЛСЯ НА ТРАВКЕ!

Джейми уже давно перестал удивляться взглядам Маршалла на жизнь. Он лишь пожал плечами.

– Слушай, ты Стива сегодня видел?

– Не знаю, брат. *Поверить* в это не могу...

– Я правильно расслышал, что он залез на крышу?

– Что? Ну да, он был на крыше.

– Зачем?

– Не знаю. Парень был под балдой или типа того. Что-то орал насчет того, что надеется, что это достаточно хорошо. Если это он сдал меня полиции, богом клянусь... *травка!*

Джейми оставил его. Залез на крышу... Конечно, нет, разумеется, Стив не мог придумать такого для кастинга? Слишком уж банально. Качая головой, Джейми постучался к Стиву. Никто не ответил. Он распахнул дверь.

И застыл как вкопанный.

Кровать была в крови. Подушка – тоже. Кровь на полу. На стенах. Смазанный кровавый отпечаток ладони.

Джейми пошатнулся и чуть не упал в обморок. Его затошнило. Кровь... *Столько кровищи* он не видел никогда.

На подушке лежал небольшой листок бумаги, свернутый так же, как все остальные записки. Он попытался сделать шаг и взять листок, но ноги отказывались приближать его к этому красному кошмару. Кое-как ему удалось медленно попятиться от двери и осторожно прикрыть ее за собой.

«Не волнуйся, – твердил он себе. – Время еще есть. Масса

времени. Я смогу пройти этот чертов кастинг».

Из коридора он слышал, как Маршалл убивался из-за того, что попался на наркоте, совершенно равнодушный к тому, что творилось в соседней комнате. Джейми взглянул на часы, гадая, как это его жизнь смогла рухнуть буквально в одночасье. Разве еще неделю назад дела не шли нормально? Может, не очень-то и блестяще, но... нормально?

Через час ему полагалось быть в клубе. Почему-то он предполагал, что вряд ли туда вообще попадет.

– Давай-ка с этим разберемся, – прошептал он.

Глава 5. Кастинг Джейми

Который час, Гонко? Который час?

Гонко, главный клоун, выждал пару минут, прежде чем ответить Дупи. За это время Дупи разволновался так, что принялся скулить как собака. Эти слабые приступы беспокойства не тревожили Гонко. Нытье Дупи было сродни обоям, он чувствовал себя дома.

– Ну, скажи же мне, Гонко, это *не смешно!*

Гонко вытащил из кармана часы, серебряная цепочка которых обвилась вокруг его запястья. Она извивалась, словно небольшая удавка. По часам выходило, что молодому Джейми до прохождения кастинга оставалось двадцать минут.

– Гонко, это не...

– Двадцать минут, Дупс, – тихо ответил Гонко.

Три клоуна – Гоши, Дупи и Гонко – сидели в своей палатке на площадке Цирка семьи Пайло. Там давали лучшие шоу на Земле, хотя ни одна живая душа, кроме Джейми, не знала этого названия.

– Где Рафшод, Гонко? Гонко, где Рафшод?

Дупи прекрасно это знал. Он спросил лишь для того, чтобы ему не ответили, дабы он и дальше мог дергаться, суетиться и откладывать кирпичи. Гонко сделал ему одолжение своим молчанием: ответ он – через несколько секунд последует еще один вопрос. А ответ прозвучал бы так: Рафшод

лежит в постели, потому что Гонко избил его до потери сознания. Рафшоду очень нравилось, когда его избивали, но здесь дело было в другом – его необходимо было наказать за дурацкую выходку. Именно Рафшод сунул кисет с порошком в штаны Гоши прямо перед тем, как тот выбрался наружу и заблудился.

После того как порошок нашли, было решено немного поизмываться над Джейми, а потом прикончить его, но от номера со скалкой у Гонко случилась истерика, – что выразилось в легком поднятии его застывших губ. С неохотной помощью предсказательницы он присмотрелся к Джейми поближе, и то, что он увидел, ему понравилось.

Гонко снова взглянул на часы и пробормотал:

– Где этот гребаный клоун?

Он имел в виду новичка.

– Ой, блин, я не уверен, – отозвался Дупи, старательно вытиравший платком рот Гоши.

Пока Дупи приводил Гоши в порядок, тот довольно моргал, его руки висели вдоль тела, а кулаки были разжаты.

– По-моему, я видел его, м-м-м, у Шелис. Кажется, его я там видел, Гонко. Который, по-моему... – Дупи нахмурился. – Помнишь, ты меня спрашивал, где он, Гонко? Ты только что спросил. Ты только что...

– Тихо ты.

– Прости, Гонко, я просто, я...

Гонко в третий раз посмотрел на часы и недовольно цык-

нул. Он потратил целое состояние на подкупы, чтобы позаимствовать хрустальный шар и посмотреть этот кастинг: прорицательница не очень-то его жаловала.

Внезапно Дупи обернулся к нему.

– *Не нравится* мне этот новичок, Гонко, *не нравится* мне он!

Дупи не врал. Новичок настраивал всех друг против друга, и от него прямо несло пакостями, что вот-вот случатся. Очень нехорошо. На площадке и так хватает врагов, а тут еще и в своей труппе один объявился.

В этот момент новичок появился у входа в палатку. Он тихонько вошел, сторбив плечи и неся в руках хрустальный шар предсказательницы. Гонко с отвращением следил за его зловеще-бесшумными движениями. Каждый жест новичка, похоже, говорил: «Жду, пока ты повернешься спиной».

Гонко посмотрел ему прямо в глаза. Циркач поумнее новичка не стал бы встречаться с ним взглядом, этот же нагло пялился. Гонко ловким движением вскочил на ноги, чтобы заставить его дернуться. Сработало. С необычайной осторожностью Гонко взял из рук новичка хрустальный шар, поставил его на стол и бросил:

– Пошел вон.

Новичок медленно попятился назад. Он ждал у входа, у самого полога, нарочно не повинуюсь, чтобы заставить главного клоуна повторить приказ. Это тоже было неразумно. Гонко выпрямился и сунул руку в карман, потому что вдруг

решил прикончить непокорного клоуна прямо на месте. Но в этот момент новичок убрался прочь.

Глядя ему вслед, Гонко пару секунд погладил лезвие ножа, который он вытащил из кармана, потом сплюнул и сунул нож обратно. Гоши издал плачущий звук, выразивший легкое неодобрение, как подумал Гонко, но точно это знал один лишь Гоши.

Пламя свечи отражалось от поверхности хрустального шара, словно желтый глаз. Главный клоун положил ладонь на холодный хрусталь и пробормотал одно слово «Джейми». Шар затуманился, словно кто-то внутри заволок дымом его ровную поверхность. Часы Гонко показывали, что у Джейми осталось пятнадцать минут.

«Я дам ему немного форы», – подумал Гонко, разглядывая молодого человека. За всеми попытками Джейми жить рациональной и размеренной жизнью, где все определено и разложено по полочкам, ясно угадывался неистощимый источник эксцентричного поведения, который вот-вот прорвется наружу, и Джейми, казалось, стоило больших трудов инстинктивно сдерживать его. Похоже, это происходило день ото дня. И чем больше он прикладывал усилий, тем более впечатляющими будут результаты, когда парень или временно сломается, или окончательно прогнется. Никто не гнется так хорошо, как тот, кто создан из абсолютно прямых линий.

Вид прояснился, и там показался кандидат-новичок. Гон-

ко понял, что постоянные преследования довели его до грани нервного срыва, и остался доволен проделанной работой. По времени все было рассчитано идеально, и теперь этот парень почти созрел. Двое других клоунов притиснулись к главному и нагнулись над хрустальным шаром. Гоши издал неясный звук, больше всего похожий на «О-о», нельзя было точно сказать, что он означал – возможно, выражение узнавания, когда высокий молодой рыжеволосый человек задвигался внутри шара.

– Тихо, Гоши, – велел Дупи своему брату. – Гоши, тихо. Он начинает.

* * *

Торговая улица Квин-стрит была забита туристами, наслаждавшимися жарой, и местными жителями, спасавшимися от нее. Первый поток служащих в костюмах и галстуках, возвращавшихся с работы в понедельник вечером, устало тек к вокзалу. В две минуты пятого толпа заволновалась, и по ней прокатился ропот, когда люди дружно повернули головы. Откуда-то с конца улицы раздался звук настолько громкий и пронзительный, что в нем едва можно было узнать человеческий крик. Сразу же раздались сухие хлопки, похожие на автоматную очередь. Все уставились на облачко серого дыма, лениво поднимавшееся в самом конце улицы.

Снова раздался визг, резкий и назойливый, пронзивший

толпу:

– Там БОМБА! *ТАМ БО-О-О-О-МБА!!!*

Пять лет с терроризмом в заголовках газет сделали свое дело. Все замерли, и паника разнеслась по толпе, словно рябь по воде. Хлопки не прекращались. Двое полицейских осторожно направились к источнику дыма, держа руки на кобурах. Внезапно, прорвавшись через толпу покупателей, высокий, худощавый рыжеволосый и, что самое интересное, голый мужчина ринулся вниз по улице, неуклюже выбрасывая вперед ноги. Под пучком рыжеватых лобковых волос неистово болтался из стороны в сторону его пенис. Походка вполне подошла бы для номера «Монти Пайтона»: колени поднимались высоко в сторону, совершая скорее прыжки, а не шаги, а расставленные в стороны локти двигались вверх-вниз, как крылышки. Лицо его скрывала наволочка. Сквозь прорези для глаз он несся через окружавшую его толпу, видя лишь размытые силуэты и препятствия.

На груди у него красовалась нарисованная зеленой краской свастика, обращенная в другую, непривычную сторону. На спине – огромный смайлик. От пота краска расплывалась, и вскоре от знаков остались лишь размытые очертания. Его преследовали трое ошарашенных пожилых полицейских, ожидавших, что за смену им придется иметь дело лишь с несколькими магазинными воришками. Они пытались его догнать, однако, несмотря на свою дикую походку, шевелился Джейми довольно резво. Как футболист, он лов-

ко лавировал между семействами, компаниями студентов и японскими туристами, наводившими на него фотоаппараты. Джейми снова заорал во все горло:

– Там БОМБА! *ТАМ БО-О-О-О-МБА!!!*

Наволочка съехала, и он тотчас же ослеп. Ни секунды об этом не жалея, он сдернул ее с головы, она медленно опустилась на тротуар, так что полицейские смогли спокойно его подобрать. У казино дым расплзался все больше, превращаясь в серый туман. Хлопки и взрывы слились в один сплошной оглушительный треск и внезапно прекратились.

Никакой бомбы не было. Весь шум издавали фейерверки и петарды, которые Джейми купил в каком-то магазинчике в районе Фортитуд-Вэлли. Раскрасив себя в общественном туалете и идя по Квин-стрит в одном плаще на голое тело, он обложил пиротехникой декоративный куст, росший в конце улицы. Он понятия не имел, произведет ли это впечатление на клоунов и смогут ли они вообще все это увидеть, – но это единственное, до чего он смог додуматься. Если бы не помутнение рассудка, до которого его довели преследования клоунов (кровь Стива стала последней каплей), он мог бы просто вызвать полицию и избавиться себя от дальнейших неприятностей.

Но когда он бежал по торговой улице, все беды прошедшей недели словно сгнули. Его накрыла небывалая адреналиновая волна. Мысли летели у него в голове, словно пленка в ускоренной перемотке. Он не чувствовал ни тротуара

под бухающими ногами, ни напряжения мышц, ни шлепков яиц по ляжкам. Ему казалось, что он может оттолкнуться и взмыть в небо.

Разумеется, на оживленной улице это не могло продолжаться вечно. Он налетел на людскую стену и не увидел в ней прохода. Он ринулся на двух школьниц в форме, они завизжали, и все втроем свалились. Он почувствовал, как пенисом коснулся портфеля одной из них, и лишь чудом он не хлопнулся на них самих. Лежа на земле, он заметил остановившийся на светофоре фургон телеканала «Семь новостей». Из окошка высунулся оператор и, широко осклабившись, направил на Джейми камеру.

Джейми кое-как поднялся на ноги, запоздало прикрыв пах, и школьницы снова завизжали. В новостях это будет смотреться нехорошо. Через плечо он увидел приближавшихся полицейских. Еще двое бежали к нему спереди. Он судорожно вдохнул и ринулся к площади Короля Георга. В парке было полно голубей, туристов, клерков и студентов, читавших на лужайках. Он побежал между ними, все еще подстегиваемый адреналином, притуплявшим боль, все невзгоды и неприятные последствия. Вот последствия-то действительно будут, если он перестанет бежать. Но делать этого он не собирался...

Все закончилось позорным шествием голышом, да еще и в наручниках через площадь Короля Георга. Женщина-полицейский с выражением полного безразличия на лице бросила ему полотенце, чтобы он прикрылся.

– Вы не понимаете, – орал он копам, когда те валили его на землю. – Клоуны... Мне пришлось... Клоуны меня заставили...

В допросной ему зачитали обвинения. Появление в общественном месте в непристойном виде, нарушение общественного порядка, угроза насилия (школьницам), вероятная попытка изнасилования (школьниц), нарушение общественного спокойствия, незаконное владение пиротехническими изделиями, воспрепятствование осуществлению правосудия. Добавили, что после консультаций с федеральной полицией ему могут предъявить еще одно обвинение – приняты новые антитеррористические законы, по которым заведомо ложная информация о взрывных устройствах каралась так же, как настоящая угроза взрыва. Что означало, что Джейми могли официально признать террористом. В этот момент желание Джейми заплакать сменилось бурными рыданиями.

В дополнение ко всему этому оставался открытым вопрос о возможном убийстве Стива, о котором он не осмелился

упомянуть. Надо все рассказать, он это понимал, но сейчас и их вопросов было уже достаточно. После всплеска адреналина на него навалилась дикая усталость, и ему хотелось только одного: заползти куда-нибудь в тепло и закрыть глаза.

Из полиции его отпустили только в полночь. Примерно в это время ему в голову пришла новая и еще более ужасающая мысль: «На самом деле, все это, до последнего шага, могло происходить у тебя в голове. Ты мог все это себе напридумывать с той самой секунды, когда увидел на дороге клоуна. Если ты до такой степени спятил, то угадай, что тогда? На твоей совести могут оказаться и пятна крови в комнате Стива. Может, ты убил его во сне. Может, ты прокрался наверх и разделал его на куски. Может, это ты разгромил весь дом. Тогда у тебя огромные неприятности – не только с законом. Беда у тебя *здесь*, в собственной башке. Может, ты никогда больше не увидишь дневного света».

На все это ему было нечего возразить, и он медленно плелся домой. Если каким-то чудом там окажется Стив, целый и невредимый, наверное, он сможет по-тихому отправиться в психушку и постараться все это забыть.

Добравшись до дома, он увидел записку, лежавшую на постели из диванных подушек. Он замер на пороге, пристально глядя на нее и слегка покачиваясь. Стоял он так минут пять, в течение которых сердце его, похоже, остановилось. Снаружи весь город замер.

Он подошел к постели и взял в руку записку. Она гласила:

«Поздравляю.

Гонко, Цирк семьи Пайло».

* * *

В клоунской палатке Гоши издавал прерывистый свист, похожий на щебетание попугая. Эти звуки не означали ничего особенного, просто указывали на то, что какие-то механизмы у него внутри продолжали работать, и Гоши по-своему все еще тикал.

В хрустальном шаре клоуны видели весь спектакль с момента, когда Джейми раскрашивал себя, и до настоящего времени, когда его волочили перед зданием мэрии. Двое полицейских крепко его держали, он неистово молотил ногами. Дупи все время отпускал комментарии, сводившиеся к возгласам:

– Ой... Блин... Что он?.. Где он?.. Блин...

Рот Гонко дернулся – наметанный глаз распознал бы в этом улыбку. Когда Джейми уводили со скованными за спиной руками и с появляющимся на лице выражением смирения, Дупи повернулся к Гонко и спросил:

– Он все хорошо сделал, Гонко? Гонко, хорошо сделал? Гонко, помнишь, когда я тебя спрашивал, а хорошо ли он все сделал?

Гонко скосил глаза в сторону.

– По-моему, он все прекрасно сделал.

– Да, вот и Гоши так думает, верно, Гоши? Верно?

– О-о.

Гонко положил ладонь на хрусталь, словно собираясь погасить свечу.

– Все лучше того типа, вскарабкавшегося на чертову крышу, – пробормотал он.

Гоши издал ровный свист. Клоуны встали. В качестве дивана они использовали связанного человека с кляпом во рту. Человека этого звали Стив, и он был в полной отключке.

– Дадим юному Джей-Джею пару часов подергаться, а потом заберем его, – сказал Гонко. – Раф может послать записку, когда очухается. И уберите этого, – он пнул башмаком бесчувственное тело, – с глаз моих.

* * *

Джейми так и не проснулся той ночью, когда чьи-то руки осторожно подняли его с пола: Гонко об этом позаботился. Из всех средств в арсенале главного клоуна хлороформ был несколько старомодным, однако он исправно срабатывал, и Гонко никогда не отправлялся на похищения без него. Он на шесть секунд прижал белый платок к лицу спавшего Джейми, потом снова засунул его в карман.

Рядом с ним стояли Рафшод и Дупи. Они сопровождали его и на похищении Стива. Кровь в комнате Стива, на са-

мом деле, принадлежала Рафшоду, они ее разбрызгали для лучшего эффекта. Втроем клоуны запихали Джейми в привезенный с собой мешок для трупа. Гонко нравилась затея, когда человек вдруг просыпается в мешке; он довольно скривил рот, застегивая мешок. Два других клоуна подняли ношу и вытащили Джейми на дорогу. Рядом с домом стоял фургон с включенным двигателем, его шум нарушал безмолвие залитой лунным светом улицы. Они положили мешок в кузов. Дупи и Рафшод затеяли драку за место рядом с водителем, скребя клоунскими башмаками по асфальту. Дупи победил. Рафшод запрыгнул в кузов рядом с Джейми. Гонко резко рванул с места, виляя, чтобы размазать двух бездомных кошек. Дупи сказал ему, что это не смешно.

Отъехав на километр, они остановились у стройплощадки, где возводили жилой дом. Это оттуда Гонко позаимствовал фургон. Он спрыгнул с водительского сиденья, открыл капот и вытащил из штанов топорик. Несколько раз врезал по двигателю, так, для веселья, и металлический грохот разнесся в ночи, словно выстрелы. Он вытащил из кармана поздравительную открытку и написал: «Спасибо за одолжение, Боб». Так звали хозяина фургона. Боб не знал Гонко, а Гонко не знал Боба, целью этой выходки было свихнуть Бобу мозги. Гонко положил открытку на приборную панель, вытащил из другого кармана розу и пристроил ее рядом с открыткой.

Три клоуна перелезли через забор, осторожно перетащив мешок с Джейми. Дупи жаловался на спину, но Дупи был

полный говнюк. Клоуны направились к кабинке уличного туалета в углу стройплощадки. Они вошли, держа мешок с телом вертикально. Возникла давка. Гонко достал пластиковую карточку, которую приложил к замку. Вспыхнул красный огонек – из потолка вывалился рычаг. Он рванул его в сторону, пол со скрипом пошел вниз, как лифт, чем, собственно, он и являлся. Только в этом городе таких было несколько, еще тысячи по всему миру. Над головами у них выехала платформа, чтобы заменить пол, на котором они теперь стояли. Лифт жутко закачался. Спускались они очень долго.

Наконец, лифт остановился, но прежде Дупи смачно пернул, и маленькая кабинка наполнилась такой вонью, что все закашлялись.

– Классно, – проговорил Гонко со слезящимися глазами. Дупи принялся рассыпаться в извинениях, но Дупи полный говнюк. Двери лифта открылись.

Над цирком повисла ночь. Вокруг теснились силуэты приземистых цыганских шатров, похожих на картонные аппликации на темной бумаге. На фоне беззвездного неба виднелось колесо обозрения, походившее на скрюченный скелет какого-то гигантского животного. Вдали раздавался чей-то вой. Клоуны отправились домой, волоча за ноги новоиспеченного члена своей труппы.

Часть вторая. Клоун Джей-Джей

Заходят клоун с эльфом не спеша в зеркальный дом.

Вглядишься – увидишь клоуна ты в зеркале своем.

«Карусель»

Глава 6. Представление

Сознание возвращалось к Джейми очень медленно. В последние пару часов мертвого сна его преследовало ощущение клаустрофобии. И хотя разум, словно компьютер, пытался включиться, что-то мешало. Во рту он чувствовал дикую сухость и слабый привкус какой-то химии.

Кое-что еще казалось совсем не правильным. Он, вроде бы, проснулся, но вокруг царил темнота. Джейми с опаской коснулся глаза – тот был открыт. Когда он шевельнул рукой, раздалось шуршание будто бы плотной ткани. На несколько жутких секунд на него нахлынуло воспоминание: они всей семьей отправились в поход на озеро, и когда он очнулся от кошмара, где змея заползла в палатку, он наяву увидел извивавшуюся у его ног зеленую древесную змею.

Возле его головы слышались шаги. Затем прямо у лица

раздался громкий скрежещуще-рвущий звук. Внезапно в его крохотное темное пространство ворвался свет, больно ударив по глазам, и он увидел прямо над собой того, кого ожидал увидеть меньше всего на свете, – Стива:

– Джейми?

– Что? – только и смог выдавить Джейми.

– И ты здесь? – спросил Стив. – Мне показалось, что что-то шевельнулось. Слушай, тут такое – это надо видеть. Карнавал или типа того. Вставай. Пошли!

Джейми сел и непонимающе уставился на мешок для трупа, в котором он спал. Черная ткань лежала раскрытая, словно лопнувший кокон. Он заморгал. Что-то явно не сходилось. Он потерял глаза, сгоняя остатки сна, и попытался восстановить в памяти, что произошло до того, как он заснул. Залезания в мешок для трупа там не было.

– Какого черта ты в него залез? – спросил Стив, как будто Джейми мог ответить. – А-а, вот он где. – Стив поднял с земли джемпер. – Тебе повезло, что я тебя нашел, я ведь только за ним вернулся. Пошли. Ты должен все это увидеть.

Слишком много информации за слишком короткое время. «Вчера ночью... – думал он. – Лег спать на полу. А до этого?.. Копы. Допрос. Ну да... Поймали голышом... *А потом-то что?»*

Он огляделся по сторонам. Они находились внутри чего-то, похожего на большой высокий шатер. Полom служила утоптанная трава, на которой были видны огромные размы-

тые отпечатки ботинок. В углу стоял стол с разбросанными игральными картами и беспорядочно валявшимися пустыми бутылками. На полу валялись десятки коробок со всякими побрякушками и разноцветным тряпьем. На боку лежали рыцарские доспехи, испещренные неприличными рисунками фаллосов цветными карандашами и написанными с ошибками ругательствами. Сквозь высокие холщовые стены пробивался розоватый солнечный свет, придавая всему несколько нездоровый красноватый оттенок.

И тут его осенило: Стив-то жив. Он здесь, рядом, стоит у входа в шатер, залитый солнечным светом.

– Стив?.. – прохрипел Джейми.

Стив поглядел на него, сверкнув глазами: его мальчишеское лицо стало еще более детским, словно им обоим было лет восемь-девять и сегодня Рождество.

– А разве тебя не?.. – выдавил из себя Джейми, качая головой. – Клоуны... В том смысле, что я заглянул к тебе в комнату, а там все было в крови...

Стив будто этого не услышал.

– Давай-ка пошевеливайся, а? Ты наружу-то выгляни.

Он скрылся за пологом шатра.

Джейми только теперь услышал звуки духового оркестра, игравшего карнавальным марш, и разноголосый гомон толпы. Он подошел к выходу из шатра, высунул голову наружу, и тут его, словно ледяной водой, обдало буйством красок. Все вокруг было таким ярким, что ему пришлось зажмуриться.

Когда он снова открыл глаза, то увидел текшую мимо толпу людей: семьи, стариков, родителей, празднично одетых детей, младенцев в колясках или на руках у матерей, с привязанными к запястьям воздушными шарами, рвущимися в воздух, словно собачки с поводков. Повсюду, словно город в миниатюре, стояли палатки и лотки, где смуглокожие цыгане торговали всякой всячиной. Толпа текла мимо них, люди оживленно говорили между собой. Джейми огляделся в поисках источника карнавальской музыки, но никакого оркестра не разглядел. Звуки плыли, словно легкий ветерок, являясь продолжением буйства красок и витавшего в воздухе запаха попкорна.

Он вышел из шатра. Казалось, что только он один не понимает, что же, черт подери, происходит. Стив нетерпеливо поманил его рукой.

Джейми протер глаза.

– Стив?

– Блин, *ну чего?*

– А мы... – он хотел спросить, не умерли ли они. – *Где мы?*

Стив схватил его за руку.

– Может, все-таки пойдём, а? Я слышал, что вон в той палатке маг выступать будет. Давай, шевелись.

Джейми позволил Стиву увлечь себя по тропинке. Вдалеке он увидел намалеванную краской вывеску «КОМНАТА СМЕХА И УЖАСА». За ней он разглядел верхушку большого шатра, на нем он с трудом прочитал: «ПАНОПТИ-

КУМ». Они прошли еще один огромный шатер с надписью «ГЛАВНАЯ СЦЕНА». Оглянувшись через плечо, он увидел деревянную арку, за которой мигало множество огней, слышались карнавальные звуки, звон колокольчиков, лязганье аттракционов, визг и крики. Таблички он не разглядел, но догадался, что где-то там должна быть надпись «АЛЛЕЯ РАЗВЛЕЧЕНИЙ».

Ответ на его собственный вопрос, где же они находились, стал очевиден: в цирке. В каком цирке, зачем и как он здесь оказался – он не знал. Но вдруг все это показалось совершенно неважным: он унюхал попкорн и почувствовал, как приятно закружилась голова, словно он вдохнул какое-то дурманящее зелье. «Совсем неважно, где ты, – дружелюбно твердил внутренний голос. – Просто расслабься! И никаких вопросов. Это же карнавал. Понимаешь, КАРНАВАЛ!»

И это и вправду было так. Джейми вдруг ощутил прилив хорошего настроения и теперь чувствовал себя так, как, бывало, в городе в пятницу вечером между вторым и третьим бокалом виски, когда в битком набитом женщинами баре музыкальный автомат играл хиты группы «Толкинг Хедз». Он с удивлением остановился, чтобы оглядеться, и Стив взорвался:

– Джейми! Ты идешь на магическое шоу? Или мне тебя пинками подгонять?

Джейми поглядел на него с улыбкой счастливого идиота:

– Конечно-конечно! – ответил он и пошел вслед за Сти-

ВОМ.

На доске при входе в средних размеров шатер красовалась сделанная мелом надпись «МУГАБО МОГУЧИЙ МАГ». Стив втолкнул Джейми внутрь, и они увидели сцену, заполненную реквизитом фокусников: перевернутый цилиндр, из которого вытаскают кролика, черная волшебная палочка с белым кончиком, которая, наверное, сгибалась, когда ее брали в руки, связки разноцветных лент и сцепленные между собой серебристые кольца. Позади сцены был занавес, предназначенный для торжественного выхода артиста. Стив и Джейми устроились в первом ряду на пластиковых стульях, пока вокруг них рассаживались зрители, и скоро шатер наполнился приглушенным гулом разговоров. Зрители притихли, когда позади них внезапно раздался резкий и грубый шепот:

– Фокус з крольником? – прокричал чей-то голос со странным акцентом. – Я тьебе покажу фокус з крольником, звинья!

– Мугабо, мы это уже обсуждали, – возразил другой голос. – Сменил бы ты пластинку, а? Ты же не хочешь, чтобы Рафшод...

– А-а, клоун-звин! Дружок твой, да? Да я могу зажечь гръебанное ньebo, он это знает? Я могу... УБЕРИ ЗВОИ РУКИ ...

Послышались звуки борьбы: шлепки, бурчание, стук упавшего на землю тела. Публика с интересом смотрела, как занавес натянулся вниз на карнизе. Драка продолжалась целую минуту, прежде чем занавес раздвинулся, и вместо тор-

жественного выхода фокусник, спотыкаясь, вылетел на сцену, словно его приподняли и швырнули туда. Его появление было встречено робкими аплодисментами.

Из пола запоздало взвилось вверх облачко белого дыма. Когда дым рассеялся, темнокожий человек в тюрбане с угрюмым лицом пытался трясущимися руками поправить мантию. Маг Мугабо был высоким и долговязым, казался еще выше в белом тюрбане, сидевшем у него на голове как гигантское яйцо. В центре тюрбана красовался драгоценный камень. Мугабо оскалился на зрителей, показав зубы, казавшиеся еще белее на фоне его темной кожи. Он махнул рукой в сторону публики и сплюнул на пол.

– Хватит хлопать! – взвизгнул фокусник. Аплодисменты стихли. – Ладно, уроды. Хотите фокус з крольчиком?

Зрители снова зааплодировали, подбадривая его веселым свистом. Мугабо кивнул, тюрбан качнулся вверх-вниз. В его низком голосе зазвучала злоба:

– Ладно. Получите вы фокус з крольчиком.

Он подошел к столу, оглянулся через плечо на занавес, потом ухмыльнулся, засучивая рукава.

– Вот, – объявил он. – Я – Мугабо, могучий маг... или типа того. Я посвящаю этот фокус той клоунской звинье. Это все для нього.

Он запустил руку в цилиндр – и, как Джейми и ожидал, оттуда показалась пара длинных белых и мягких ушей. Кролик болтал лапками в воздухе. Раздались жидкие, вежливые

аплодисменты.

– Ну, нравятся вам крольчик? – промурлыкал Мугабо. – Прекрасно! Крольчик им нравится. А... как вам понравится... вот ЭТО!

Лицо Мугабо стало злобным. Он резко вытянул кулак с зажатым в нем кроликом в сторону зрителей. Кролик пару секунд подергался, молотя лапками в воздухе, прежде чем взорвался красно-белым облаком. Раздался звук, словно раздавили переспелый плод. Кровь и куски кроличьего мяса полетели в первые два ряда зрителей. Кучка ошметков шлепнулась к ногам фокусника.

– ХА-ХА! – проорал Мугабо. Он согнулся пополам, колотя кулаком по столу и зайдясь чем-то средним между смехом и воем. Среди зрителей воцарилась гробовая тишина.

Из-за занавеса выскочили две фигуры. Одну из них Джейми узнал – это был клоун Дупи, которого он посчитал старым знакомым, но не мог вспомнить, откуда он его знает. Вторым был коренастый карлик с повязкой на глазу.

– Это все часть представления, ребята, – произнес карлик, бросаясь на Мугабо и обхватывая его лодыжки.

Дупи с карликом силком выволокли со сцены отчаянно брыкавшегося и извивавшегося фокусника.

Похоже, представление закончилось. Публика неуверенно захлопала. Джейми скинул с рубашки кусочки белого меха и вытер с лица кровь. Лицо малыша на руках у сидевшей рядом с ним женщины было густо заляпано кроличьей кро-

вью, а ей, кажется, было все равно, она даже этого не замечала. Они с мужем встали, ожидая, пока освободится проход к дверям.

Раздался едва различимый звук, который Джейми узнал: как будто перекатывались стеклянные шарики. Он шел у него из-под ног. Приглядевшись, он заметил маленькие кристаллики, тонким слоем рассыпанные в траве. Где он их раньше видел? Нет, не припомнить. Он знал только одно: когда они вошли в шатер, кристалликов на земле не было. Теперь они сверкали, словно выпавшие из карманов монетки, под ногами людей, пока те пробирались к выходу.

Когда они вышли из шатра мага, занавес за сценой дергался в такт шлепкам, ворчанию и треску. С громким стуком на пол упало чье-то тело. Все это – часть представления.

* * *

На улице сквозь запах поджаристого попкорна пробивался более сильный аромат благовоний, манящий его, словно невидимый палец с наманикюренным ноготком. Он беспрекословно пошел на этот запах, Стив тоже не отставал. В толпе он заметил других зрителей с представления фокусника, не обращавших внимания на пятна кроличьей крови на лицах и рубашках, болтавших и смеявшихся. Стив быстренько объявил, что пойдет на Аллею Развлечений, и убежал, протискиваясь через толпу и едва не сшибая людей с ног. Джей-

ми беззаботно позволил ему уйти, – его самого отвлекали эротические видения, окутавшие сладким ароматом, ласкавшие, словно пальчики. Перед его внутренним взором возникали смуглые, как египетские принцессы, обнаженные женщины, порывисто рвавшиеся вперед и манящие за собой. Он, оглушенный, шагал за ними по тропинке, где толпа редела, музыка звучала тише, воздух сделался прохладнее.

Парочка боровшихся в придорожной грязи карликов замерла при приближении Джейми, они сердито глянули на него и убежали. Внезапно дразнящие эротические видения исчезли, и он обнаружил, что стоит перед небольшой хижиной с занавесками из бус на входе. Он встряхнулся, растерянно оглянулся и с изумлением увидел, что вокруг никого нет. Он нерешительно раздвинул блестящие нити, звякнувшие, словно стеклянные шарики. Похоже, это была хижина прорицательницы, но внутри уже кто-то был.

– Извините, – сказал Джейми, когда мужчина в хижине обернулся к нему.

По телу Джейми пробежал холодок. Внутренний голос твердил ему: беги отсюда сейчас же и побыстрее. Но когда прошел первый испуг, он понял, что лицо мужчины, наверное, покрыто толстым слоем грима, только и всего. Вот почему глаза его горели безумным огнем из-под тяжелых бровей, темных как грозовая туча. Вот почему все контуры его лица ото лба до подбородка так напоминали волчью пасть, что его вполне можно было представить воющим на луну,

хоть и одет он был в деловой костюм. Вот почему росту в нем было хорошо за два метра, и руки у него были слишком большие с желтыми ногтями, длинными как звериные когти.

Чудовище внимательно оглядело Джейми с высоты своего огромного роста.

– О, я *обожаю* извинения, – сказал незнакомец низким, хорошо поставленным голосом. – Однако никаких проблем. Я как раз собирался уходить. Желаю вам хороших предсказаний.

Он прошел мимо Джейми с величайшей учтивостью. Его пухлые губы расплылись в почти доброй улыбке, которой, возможно, оборотень улыбается волчонку. Джейми, дрожа, отвел взгляд, и на секунду в нем не осталось ничего от пьянящей радости, лишь холодный страх перед миром, полным капканов, ловушек и темных омутов, где оказываются люди.

Великан раздвинул загремевшие блестящие нити, наклонив голову при выходе, и исчез. Холодок пропал.

То, что снаружи было забивающим почти все запахом сандалового дерева, внутри витало лишь тонким его ароматом. Атмосфера разительно отличалась от царившего на улице радостного возбуждения, тут было тише и прохладнее, словно во сне. За круглым столом сидела цыганка, теребя колоду таро и глядя на Джейми с едва заметной улыбкой. У нее была гладкая оливкового цвета кожа, сверкающие глаза и волосы цвета воронова крыла, шелковистыми волнами спадавшие на плечи. За спиной у нее громоздились полки с какими-то

неизвестными фолиантами, на стенах висели яркие звездные диаграммы, наполняя воздух тусклым белым свечением. На деревянной подставке и в форме когтистой лапы стоял хрустальный шар.

– Насчет него не беспокойтесь, – произнесла прорицательница, кивнув вслед чудовищу. – Он безвредный. Это Курт Пайло. Он владелец этого цирка.

– Выглядит он совсем не безвредным, – заметил Джейми.

– Верно, – согласилась прорицательница. – В гневе он смотрится воплощением зла.

На мгновение она посмотрела куда-то вдаль, и улыбка исчезла с ее лица.

– Однако надо очень постараться, чтобы его разозлить, а если попытаетесь, он, наверное, увидит в этом лишь повод для веселья. Прошу вас, садитесь.

Что-то в ее голосе навело Джейми на мысли об ароматных разноцветных ликерах, разливаемых в хрустальные рюмки. Он присел на стоявший у стола деревянный ящик.

– Вообще-то, я сегодня тороплюсь, – сказала она. – Я уже приняла сегодня с полдюжины посетителей, желавших узнать свою судьбу, так что буду краткой. Можно вашу руку?

Джейми протянул руку, и она легонько заскользила пальцем по его ладони. Пальцы у нее были холодные и заставляли его вздрагивать всякий раз, когда она прикасалась к нему.

– Погляди мне в глаза, Джейми, – тихо попросила она.

Он подчинился и ахнул от удивления: похоже, радужки

глаз у нее менялись в размерах, одна расширялась, а другая сжималась, а потом наоборот.

– Не бойся. Просто следи за танцем моих глаз. Разве не прелесть, Джейми? Разве ты не чувствуешь, глядя мне в глаза, как идешь по длинному темному тоннелю, Джейми? Ты чувствуешь, как мой прохладный палец на твоей ладони ведет тебя, рисуя карту, чтобы найти в моих глазах тропинки. Мои глаза, Джейми... Просто смотри мне в глаза...

Голос проникал в него, словно наркотик, сладкий голос открывал ему тайны, говорил слова, которые он слышал, но не мог понять, и, прежде чем он это осознал, глаза его затуманились и закрылись.

«Она меня гипнотизирует», – мелькнула последняя мысль, прежде чем он подчинился ее воле.

Голос словно камнем вколачивал в него слова:

– *Завтра днем. Ты выйдешь из дому на улицу ровно в двадцать минут четвертого, но оставишь дома часы. Отправишься вот по этому адресу: Эдвард-стрит, 344. Будешь там ждать у входа в паб. На тротуаре увидишь блондинку с коляской, ждущую, когда можно будет перейти улицу. Спросишь ее, который час. Станешь нервно почесывать за поясом, когда она начнет флиртовать с тобой.*

Джейми кивнул отяжелевшей головой.

– *Скажешь ей: «Огромное вам спасибо». Потом отправишься прямо домой. Лица ее ты не запомнишь. И никогда и нигде не вспомнишь о произошедшем.*

– Почему? – пробормотал Джейми, как будто разговаривал во сне. – Не могут... оставить меня... в покое?

Повисла пауза. Он почувствовал впивающийся в него взгляд огромных и обжигающих, как два солнца, глаз. Джейми дернулся и застонал.

– *Не спрашивай меня. Как ты можешь задавать мне вопросы? Неужели... Ты проглотил немного порошка?*

Джейми кивнул.

– *О, мой бог... Кто дал тебе порошок?*

– Я просто... его подобрал, – пробормотал Джейми. Говорить было так трудно, что каждое слово причиняло боль. Голова его упала на грудь, и ему хотелось только, чтобы голос не злился.

– *Он был у одного из клоунов?* – требовательно спросил голос.

– Да.

– *У кого именно? Где? Когда?*

– Гоши. По-моему, его зовут Гоши. Примерно неделю назад. Выпал... у него из кармана.

Его обдало волной гнева, словно раскаленным воздухом, он съежился и захныкал. Снова пауза, потом дробь барабанивших по столу ноготков, после чего голос произнес:

– *Ладно. Теперь просыпайся, Джейми. Возвращайся ко мне. Просыпайся.*

Он мало-помалу пришел в сознание, влекомый волной дивных ароматов и парой сверкающих глаз. Сначала ему по-

казалось, что он смотрит на два алмаза, сверкающих в отблеске свечей. Лицо предсказательницы появлялось вокруг них размытым контуром. Казалось, нужно несколько часов, чтобы оно вновь обрело четкость и форму.

– Понравилась прогулка? – спросила прорицательница Шелис.

Джейми попытался припомнить последние несколько минут, но мысли его плыли, как в тумане.

– Что случилось? Там что-то было про блондинку?

– Нет, не думаю, – ответила Шелис. Быстрыми движениями она начала прибирать со стола, явно чем-то озабоченная и раздраженная.

– Ну, Джейми, спасибо, что зашел. А теперь извини, у меня еще много дел.

– Да, конечно, – проговорил Джейми и встал.

Шелис быстро прошла мимо него, откинула блестящую занавеску и вышла наружу. Вскоре она исчезла из виду. Пару секунд Джейми смотрел на хрустальный шар, теперь прикрытый тканью, а потом вышел из хижины.

За пределами темного обиталища с тонкими ароматами его снова ударило многоцветие и многоголосие окружающего мира. Понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть. Он почти ничего не помнил с момента окончания представления фокусника, да и само представление припоминал очень смутно. У него за спиной стеклянные бусинки позвякивали на ветру. Что же действительно там произошло?

И снова мягкий и вкрадчивый внутренний голос произнес: «В твоём положении не о чём беспокоиться. Наслаждайся представлением».

Возражать у него не было сил. С порывом ветерка, принесшего запах попкорна, вернулась беззаботная эйфория, и после нескольких глубоких вздохов, он почувствовал, как легонько закружилась голова. Он медленно побрел обратно к многолюдным дорожкам, рассматривая цыганские лотки. День начал клониться к закату.

* * *

Наступил вечер, и небо над Аллеей Развлечений засветилось разноцветными полосками. Джейми инстинктивно сторонился ярких цветных пятен и вышел к деревянному строению, окруженному алым сиянием, из дверей которого выбивались рыжеватые язычки пламени, словно дыхание дракона. Это была Комната Смеха и Ужаса.

Посетителей было мало – казалось, что большинство направились к гигантским шатрам в центре цирка, где, как сообщали торговавшие с лотков цыгане, скоро начнется представление акробатов и клоунов. У ведущих в Комнату ступенек ожидали лишь двое: молодая пара, стоявшая совершенно неподвижно, каждый глядел прямо перед собой. Рядом с ними стоял закутанный в просторное одеяние человек с посохом, увенчанным черепом. Черный капюшон скрывал

его лицо. Изнутри доносились обычные для таких аттракционов звуки: звериные рыки, женский визг и что-то похожее на скрежет исполинских зубов. Звуки ожидаемые, но звучали они как-то очень реально.

Из-за двери внезапно вылетела тележка, от ее колес, скрежетавших по металлическому рельсу, сыпались искры. Она со скрипом остановилась. Фигура в черном взмахнула посохом. Не говоря ни слова, молодая пара залезла в тележку. Джейми поглядел на пару, потом на стража, и шагнул к ступенькам. Но страж преградил ему путь посохом.

– В чем дело? – спросил его Джейми.

Ответа не последовало. Раздался жуткий скрежет, заставивший его отскочить в сторону, и тележка рванулась вперед по рельсу. Головы молодых людей болтались, как у тряпичных кукол. Когда они въезжали внутрь, из дверей вырвался язык рыжеватого пламени, и парочка исчезла из виду.

Джейми, несколько обескураженный, принялся ждать, пока выедет следующая тележка. Он искоса посмотрел на стража, стараясь разглядеть скрытое под капюшоном лицо. Вой и крики из комнаты смеха все усиливались, перейдя в ревущий хохот, похожий на сексуальный экстаз, заглушив весь остальной шум карнавала. Потом внезапно наступила тишина.

Вот это было уже чересчур. Джейми попятился от входа и развернулся, чтобы уйти. Он услышал скрежет остановившейся тележки. Джейми оглянулся. Парочка куда-то исчез-

ла, тележка была пуста.

Он обнаружил, что быстро идет прочь, почти бежит, словно ноги его чуяли опасность, которую не распознал его разум. «Это все часть представления», – заверил его внутренний голос. Конечно. А что же не его часть?

* * *

В стороне от прочих аттракционов он заметил огромный шатер, окруженный всего лишь несколькими палатками; похоже, там обитали карлики и цыгане. Проходя мимо, он иногда видел зловеще светившиеся глаза, глядевшие на него через щелки в пологих. После заката карлики группками выходили на улицы, эти зловредные коротышки смолкали, завидя посетителя, а потом снова продолжали разговоры на повышенных тонах. Они носили с собой небольшие сумки и что-то выковыривали из травы стальными щипчиками. Сперва Джейми подумал, что они выискивают выпавшие из карманов монетки, но подойдя поближе к занятой работой парочке недомерков, он увидел, что они собирали крохотные светящиеся кристаллики, которые он приметил на полу во время представления мага. Карлики уставились на него с такой яростью, что он испуганно попятился.

Подойдя к одиноко стоявшему шатру, он обнаружил, что там разместился Паноптикум, и немного замялся, прежде чем войти. Уродство никогда его не привлекало, но глаза в

оконцах палаток заставляли его нервничать, так что казалось разумным скрыться от них.

Изнутри шатер освещался лишь желтоватыми лампами, подсвечивавшими выставочные витрины. На полу виднелись светящиеся точки – кристаллики порошка, которых здесь было гораздо больше, чем в шатре у Мугабо.

К своему удивлению, рядом с одной из витрин Джейми заметил Стива, который жадно рассматривал что-то в высоком аквариуме. Стив заметил его и махнул рукой, подзывая к себе:

– Полюбуйся вот на это.

Табличка на аквариуме гласила: «Это Тэллоу³. Каждое мгновение его жизни – ад».

Пара человеческих глаз скорбно смотрела на них с лица, которое будто бы таяло. Кожа сползала с него, как свечной воск, пузырясь и капая на дно, образуя лужицы, после твердевшие в телесного цвета наросты на стеклянном дне.

– Каждые несколько минут он поднимает сползшие кусочки и снова налепляет их на себя, – с восторженным придыханием прошептал Стив.

Тэллоу грустно взирал на них, когда на шее у него лопнул пузырь телесного цвета, а его содержимое стало стекать по груди. Джейми скривился и отвернулся.

– Джейми, погляди! Он их налепляет! – воскликнул Стив почти что возбужденно.

³ От англ. tallow – топленный жир.

– Пойдем-ка отсюда, – ответил Джейми. – Тошнит от такого. Пошли быстрее.

– Да ни за что. Тебе надо тут все посмотреть. Идем-ка, глянем на вон того парня.

Стив потащил его за руку к экспонату, не заключенному в стеклянную витрину. Они остановились перед чем-то, что когда-то могло быть человеком, пока природа не сыграла с ним очень жестокую шутку. От шеи до пят все было нормально, примерно полтора метра человеческого тела, облаченного в серый костюм с галстуком. Проблемы были с головой существа – она была покрыта чешуей, слишком большой для его тела, а из жаберных дуг на шее росли усы, как у сома. Огромный рот напоминал акулюю пасть, где рядами торчали жуткого вида зубы. Когда рот открылся и оттуда раздалась речь, Джейми чуть не завопил.

– Здравствуйте. Я – Фишбой⁴, куратор шоу уродов.

– Это мой друг Джейми, – представил Стив. – Джейми, это Фишбой. По его словам, он может дышать под водой.

– Рад познакомиться, Джейми, – произнес Фишбой. Голос у него был высокий, словно он надышался гелия. В его учтивости сквозило что-то отталкивающее. – Надеюсь, наши экспонаты понравятся вам так же, как и Стиву. Через пятнадцать минут выступит Йети, пожиратель стекла. Гарантирую вам, что это самое жуткое и кровавое представление во всем цирке!

⁴ От англ. fish – рыба, boy – мальчик.

– Да, дружище, нам надо увидеть поедание стекла, – согласился Стив.

Джейми покачал головой.

– До скорой встречи, – сказал он.

– Почему? Ты куда собрался?

– Да *куда угодно*. Господи! Может, подожду представления клоунов.

– О да, – просвистел Фишбой. – Представление клоунов, возможно, главная изюминка всего нашего цирка. Прошу вас, не стесняйтесь и оставьте запись в гостевой книге на выходе.

Джейми, весь съежившись, отвел взгляд от чрезвычайно учливой улыбки с акульими зубами. Ему стало бы гораздо легче, если бы Фишбой зарычал на них или защелкал челюстями. Он попятился к выходу из шатра, стараясь не смотреть на витрины со стонущими и шипящими экспонатами. Стив за ним не пошел.

Когда он снова вдохнул теплого ночного воздуха, его приподнятое настроение сменилось болезненностью и головокружением. Его одолевали легкая тошнота и дурные предчувствия. «Похоже, я сильно вля...» Но эту мысль так и не дали закончить.

И... он решил, что так ему больше нравится.

К этому времени у гигантских шатров собрались толпы народу. У всех был слегка озабоченный вид, люди беспокойно оглядывались, словно вновь и вновь проверяя, тут ли они на самом деле.

Перед шатром побольше красовалась афиша:

**ВЫЗОВ СМЕРТИ РЭНДОЛЬФА,
АКРОБАТИЧЕСКАЯ ФЕЕРИЯ ВЫСОКОГО ПОЛЕТА**

Перед вторым шатром висела доска с надписью мелом:

**СНОГСШИБАТЕЛЬНОЕ КЛОУНСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ГОНКО – ЗАХОДИТЕ ПОСМЕЯТЬСЯ**

Джейми пристально глядел на доску. Гонко... Откуда ему известно это имя? Он почти что его вспомнил, но тут, по какому-то сигналу, который он не уловил, толпа начала толкаться и повалила в шатры. В людях было что-то отрешенное, словно в застигнутых бурей заблудших душах, укрывшихся в единственном увиденном ими убежище. Шатер акробатов, хотя и был больше, заполнился первым.

Чувствуя себя куда более запутавшимся, чем утром, когда он проснулся и увидел целого и невредимого Стива, с вос-

поминаниями, мелькающими, словно тасуемая колода карт (то одно, а то другое), Джейми присоединился к потоку людей, направлявшихся на представление клоунов. Он уселся на последнем ряду пластиковых стульев, обращенных к сцене, освещенной яркими софитами, и тихо ждал, пока все рассядутся по местам.

Гонко. Он вот-вот вспомнит.

Когда началось представление клоунов, то, что целый день направляло его мысли, внезапно исчезло, и Джейми вдруг сразу все вспомнил и понял. Он начал дико озираться в поисках выходов, но все они были заблокированы людьми с пустыми лицами, глядевшими на сцену. Бежать было некуда. Он еще сильнее вжался в сиденье.

* * *

Гонко прошелся по сцене, засунув руки в карманы. Раздались аплодисменты, хотя он зыркал на публику с таким видом, словно с превеликим удовольствием перерезал бы глотки всем до единого. На нем были чудовищного размера полосатые штаны, державшиеся на подтяжках и болтавшиеся, словно на обруче, вокруг его тонкой талии. Лицо выкрашено в белый цвет, и на нем красовался алый пластиковый нос. На голове у него была большая шляпа, похожая на тюрбан фокусника, а на шее – крохотный галстук-бабочка.

За ним ковылял Гоши, оглядывая зрителей выпученными

ми глазами, как ребенок, оказавшийся в комнате с массой незнакомых вещей. *Кто они все такие?* Однако в глазах его мелькал тот расчетливый змеиный прищур, наводивший на мысли, что в глубине души Гоши очень хорошо понимал, что именно он и есть аномалия, и упивался этой мыслью.

В пальцах Гоши зажал маргаритку. Руки его были упрямо прижаты к бокам. Он дохромал до сидевшей в первом ряду молодой женщины. Не сгибая руки в локте, он одним быстрым движением протянул ей цветок. Она улыбнулась ему, на секунду замявшись, прежде чем принять подарок.

Гоши глядел на нее, хлопая глазами. Он, похоже, чего-то ждал. Затем, обидевшись по только ему известным причинам, он внезапно вlepил ей пощечину. Ее голова дернулась в сторону, мелькнула копна белокурых волос. Кто-то в публике засмеялся, возможно, думая, что она подсадная актриса, участвующая в номере.

Гоши с диким видом огляделся, когда по толпе пробежал ропот. Он зажал руками уши, рот его беззвучно открывался и закрывался. Он доковылял по ступенькам обратно на сцену. Гонко с раздражением наблюдал за всем происходившим. Сценарий этого не предусматривал, но по тому, как он огорченно всплеснул руками, стало ясно, что чего-то подобного он ожидал.

Представление становилось все хуже. Гоши хлопнулся на спину, как подстреленный, и перекатывался с боку на бок, отчаянно размахивая локтями и зовя на помощь Гонко. За-

тем раздался знакомый Джейми звук кипящего чайника, громкий как сирена:

– У-и-и-и-и! У-и-и-и-и!

Из-за кулис в свет софитов выбежал еще один клоун. Это был Дупи. Он подлетел к брату и попытался увести его со сцены. Гоши упирался. Он перестал изображать чайник и показал на женщину в первом ряду, с ошеломленным видом потиравшую щеку. Рот Гоши бесшумно открылся и закрылся.

– Знаю! – крикнул Дупи. – Она поступила *плохо*, Гоши, *очень-очень* плохо. Но идем же! Это же *представление!* Тебя ждут такие большие *неприятности...*

Гонко сидел на сцене, скрестив ноги, и тер виски. Его голос перекрыл сконфуженный гомон публики, не знавшей, смеяться ей или нет:

– Я, твою мать, так и знал, – произнес он. – Все представление к чертям собачьим. И меньше чем за минуту. Давайте-ка закончим этот фарс. РАФШОД! Давай быстро сюда. Тащи новичка! – приказал Гонко с яростной наигранной веселостью. На сцену выбежал тощий клоун с безумным взглядом, волоча за собой еще одного.

Новичок с кислым видом стоял в лучах софитов, сгорбив плечи. Гонко бросил на него свирепый взгляд.

– Вот что, Гоши! – вскричал Гонко. – Погляди-ка на новичка! Что там у него в кармане?

Гоши поставили обратно на ноги. Он медленно повернул-

ся и зашагал к новичку. Тем временем Рафшод обшарил у новичка карманы и вытащил что-то похожее на лист папоротника. По какой-то причине этот лист очень сильно подействовал на Гоши. Он уставился на него, выпучив от ужаса глаза, проявив самую близкую к человеческой эмоцию, и снова издал звук кипящего чайника:

– У-и-и-и-и! У-и-и-и-и!

На лице новичка появился страх. Гоши в упор завизжал на него, а потом негнущейся рукой изо всех сил ударил новичка, как женщину в первом ряду. Дупи сделал робкую попытку унять брата, воскликнув:

– Гоши, прекрати!

Но тщетно. Гоши снова врезал новичку. Тот пытался защититься, потом оглянулся на Рафшода, отрезавшего ему путь к отступлению. Гоши замахнулся для очередного удара. Новичок толкнул его. Тут в дело вступил Дупи.

– Эй-эй-эй-ЭЙ-ЭЙ! – завизжал он, разгоняясь, словно сходящая лавина.

Он ринулся на новичка с явным намерением защитить брата. Хотя Дупи и выглядел самым безобидным из клоунов, но в атаку он бросился с напором быка. Новичка повалили на арену, он катался у ног трех других клоунов, стараясь прикрыться локтями и коленями от пинков, тычков, ударов головой. Гоши выбрался из драки, зажав руками уши. Публика молчала.

Гонко сидел и с каменным лицом наблюдал за развити-

ем событий, хотя подрагивание его губ свидетельствовало о хладнокровном удовольствии от избиения. Он повернулся к зрителям и пробормотал:

– Представление окончено. Валите отсюда к хренам.

Раздались жидкие неуверенные хлопки, и публика встала и направилась к выходам. Бойня на сцене потихоньку затихала, и новичка, избитого до потери сознания, утащили за ноги за кулисы, оставляя на арене яркий кровавый след по полам с белилами для лица.

Когда все зрители вышли, Джейми остался сидеть на заднем ряду, сам не зная, куда идти и что делать. На него со всех сторон обрушились воспоминания последних дней: кастинг, издевательства, разгром в доме. Все казалось еще более бессмысленным, чем обычно.

Гонко посмотрел со сцены прямо ему в глаза.

– Джей-Джей, – позвал он. – Поди-ка сюда.

Джейми ткнул себя пальцем в грудь.

– *Кто, я?*

– Да, ты! – рявкнул Гонко. Он стоял на краю сцены и манил его пальцем. Джейми поднялся и медленно зашагал к нему. «Вот и все, – подумал он. – Сейчас я умру».

Он ошибся.

– Добро пожаловать в твой новый дом, – произнес Гонко, когда Джейми миновал первый ряд стульев.

Свет софитов бросал на лицо главного клоуна тени, похожие на кровавые разрезы. Он продолжил:

– Похоже на то, что они отключили тебе веселящий газ позже, чем я просил. Мне хотелось, чтобы ты посмотрел на нас из-за кулис. Ну да ладно. Впереди еще много представлений, мой милый, и никаких ошибок. Сам видишь, вышло немного скомкано, – сплюнул Гонко.

Джейми уставился на него.

– Прошу вас, – взмолился он, – объясните мне, что же, черт подери, происходит? Пожалуйста!

Гонко искоса взглянул на него и процедил в ответ:

– Вопрос не праздный. Почему бы на него и не ответить. Происходит то, что сейчас ты стал клоуном. Когда-нибудь слышал такие классные новости? Отныне – ничего, кроме смеха, и немного хихиканья. Ну что, полегчало? Бля, вижу, что да. Идем со мной, юный Джей-Джей.

Глава 7. Хрустальные шары и акробаты

Гонко провел Джейми за сцену в помещение, заполненное коробками с реквизитом, униформой и лампами для софитов. Там лежал новичок, голова его представляла собой сплошное месиво, с лица стекали кровь и белила. Глаза его были закрыты. Гоши, не мигая, озадаченно таращился на него, а Дупи хлопал по плечу, наверное, пытаясь привести в чувство. Когда появились Гонко и Джейми, Дупи выпрямился, шевеля мокрыми губами и нервно потирая руки. Дупи больше не выглядел способным на насилие, учиненное им на сцене. Он снова превратился в маленького смешного человечка, то и дело хватавшего себя за рубаху, всем своим видом являя воплощенное сожаление.

– Отличная работа, Дупс, – произнес Гонко, глядя на окровавленное существо у его ног.

– Ой, ты уж прости меня, Гонко, но он ударил Гоши! – вскричал Дупи. – Он Гоши ударил, да прямо по лицу, так что мне *пришлось* вступить за Гоши! *Пришлось!*

Гонко наклонился над распростертой фигурой, и рот его слегка перекосялся.

– Я же сказал, отличная работа. Не надо рассыпаться в извинениях, когда начальство одобрительно хлопает тебя по плечу, Дупс. Прибереги их до той поры, когда опять обга-

дишься. – Гонко легонько пнул новичка носком башмака и повернулся к Джейми. – Джей-Джей, знакомься с трупшой. Это Гоши.

Гоши стоял спиной и издавал тихий ровный свист. Он прижимал к лицу лист папоротника и, похоже, целовал его.

– Он знает, что ему нравится, – пробормотал Гонко. – А это Дупи, которого, думаю, ты уже раньше видел, когда он громил твою спальню с наилучшими пожеланиями.

Дупи пробормотал «Здрасьте» и снова пустился извиняться перед Гонко. Гонко не обращал на него внимания.

– Это Рафшод, – произнес он. Тощий клоун с безумным взглядом помахал Джейми рукой, что больше походило на дерганье от удара током. С виду Рафшод казался самым молодым из клоунов, возможно, даже ровесником Джейми.

– А вот это жалкое существо – новичок, – сказал Гонко. – Теперь он всего лишь кусок мяса с глазами, но ненадолго, помни мои слова. И знаешь, в чем фишка? Ты получил его место, если вдруг ты гадаешь, как решить эту головоломку.

Джейми поглядел вниз и постарался не воображать своего лица, превращенного в такое кровавое месиво. Он понятия не имел, как на все это реагировать. Похоже, лучше всего – помалкивать в тряпочку и подождать, пока ситуация не прояснится и не обретет хоть какой-то смысл. Разумеется, в любой момент кто-то ему скажет, что его снимает скрытая камера, что он стал участником высокобюджетного розыгрыша на радио, социологического эксперимента, *да чего угодно*.

Гонко вывел клоунов из шатра, оставив новичка истекать кровью в грязи.

– Вот что, ребята – обратился он к ним, – это просто позорище. Дупи, вбей ты в башку своему братцу, что публику бить *нельзя*. Ясно тебе? Она *не* часть сраного сценария. Зрителей нельзя бить, тыкать, пинать и швыряться в них предметами. Они не реквизит. Они просто смотрят гребаное представление. Понятно? Это не такая уж сложная наука. *Они просто смотрят гребаное представление.*

– Ну, прости ты меня, Гонко, – залепетал Дупи, – но Гоши иногда все путает, и...

– Он, черт его дери, прекрасно знал, что делал сегодня вечером, – возразил Гонко. – Вспомни норму, которую мы установили для новичка. Представление шло меньше двух минут. Зачем он ударил эту бабу?

– Она забрала его цветок, Гонко, она...

– Он сам дал ей цветок, идиот. Это было прописано в сценарии.

– Но ей нельзя, не надо было его брать, Гонко! Нельзя и не надо, а он не сдержался, он... он...

– Видишь, что мне приходится терпеть, Джей-Джей? – спросил Гонко с печальной улыбкой. Джейми пожал плечами, кивнул и постарался, чтобы его не замечали.

На территории цирка публики уже не осталось. Единственными звуками были странный звон и стук закрываемых торговых лотков. В тени слонялись несколько карликов,

они переговаривались между собой и злобно глядели на проходящих клоунов. Клоуны не обращали на них внимания. Они прошли шатер фокусника, хижину предсказательницы и остановились у палатки, в которой Джейми узнал то место, где очнулся утром. Она была больше всех окружавших ее жилищ.

Гоши тихонько пипикнул и остановился. Остальные обернулись к нему. Дупи, похоже, нашел объяснение этому звуку: он поднес палец к губам и произнес.

– Тсс.

Рядом раздавались бубнящие голоса, слишком тихие, чтобы что-то можно было разобрать. Джейми оглядел клоунов, гадая, какой очередной неприятный сюрприз его ждет. Вскоре он понял, что опять насилие: Гонко полез в карман и вытащил оттуда нож с длинным серебристым лезвием. Джейми уставился на него, пытаясь понять, как нож умещался в кармане.

Гонко собрал клоунов в кружок. Джейми попытался остаться в стороне, но клоун с безумными глазами, Рафшод, схватил его за шкурку и втолкнул в центр круга. Вблизи от Гоши так разило потом, что Джейми едва это выносил.

– Акробаты, – прошептал Гонко. – Говорить буду я. И ножом пырять тоже. Но если завяжется драка, то все вперед. Тебя в первую очередь касается, Гоши. Не стой и не пырься, как в прошлый раз, когда этот ублюдок Рэндольф чуть меня не задушил. И тебя тоже, Джей-Джей. С виду ты как будто

из локтей и хрящей сделан, но надо ими махать, как курица крылышками, словно ты их всех уделаешь.

Кружок рассыпался, и Гонко, крадучись, зашагал впереди, искусно поигрывая ножом в руке. Остальные следовали за ним. У входа в шатер их поджидали трое мужчин, затянутых в белые трико. При приближении клоунов они умолкли и ощетинились.

Первое впечатление от вида акробатов было едва ли не гипнотизирующим. Тела у них были гибкие, лица изящные, напоминавшие эльфов своими тонкими чертами, и Джейми не мог не восхититься мастерством тех, кто их сотворил. Клоуны явно не разделяли подобных чувств. Обе группы пару секунд пристально глядели друг на друга, акробаты подзрительно рассматривали Джейми, прежде чем один из них произнес:

– Мда! Слышали, что вы, ребята, устроили классное представление. Целых пять минут, говорят.

– Скорее две, – вставил другой.

– Две минуты! – воскликнул первый с деланным сочувствием. – Просто потрясающе! Свен, что бы об этом сказал мистер Пайло?

– Не знаю. Может, он предложит беднякам немного передохнуть от своей работы и заняться чисткой цыганских сортиров, может, это поможет им сосредоточиться на своем шоу. Но, разумеется, спрашивать об этом надо его.

– Но они вряд ли произведут на него впечатление, Свен,

или как?

– Не думаю, Рэндольф, ни малейшего впечатления.

Несколькими мгновениями раньше Гонко почти рвался в драку, но, похоже, разгромная критика их выступления сильно его уязвила.

– Свали к хренам! – прорычал он, держа нож в дрожавшей от ярости руке.

– *О, туше!* – воскликнул стоявший ближе к ним акробат. – Конечно, к херам и свалим! Вот почему я вызываю тебя на словесную баталию, Гонко. Ты такой утонченный, это что-то! Таких, как ты, больше не встретишь.

Быстрый, как змея, Гонко бросился на говорившего акробата, но тот увернулся от него в изящном пируэте. Джейми вздрогнул, уверенный в том, что сейчас начнется драка. Но нет – Гонко отступил, снова поигрывая ножом, а акробаты, похоже, решили, что инцидент исчерпан. Они удалились, презрительно улыбаясь, отпуская вслед клоунам новые оскорбления.

– Пидоры! – рявкнул на них Гонко.

Акробаты остановились и обернулись.

– Как он нас назвал?

– Пидорами, вот как!

– Опять туше. Знаешь поговорку: мужчина, который пользуется мужчин, – мужчина вдвойне?

– Вот это я как раз собирался ему сказать.

– По крайней мере, мы знаем, кто сверху.

Они рассмеялись и неспешно скрылись из виду. Дупи повернулся к Гонко и заявил:

– Не нравятся мне эти парни, Гонко. Не нравятся!

– Может, тогда ты сможешь убедить своего братца, чтобы он не срывал нам представление, – ответил Гонко. – Вот тогда, Дупс, у нас будет полный шатер смеха, а у них против нас – ничего. Понятно? Это тебе не такая уж сложная наука.

Гонко сунул нож обратно в карман.

– И, – добавил он, – к твоему сведению, если бы я хотел подрезать этого ублюдка, то обязательно бы подрезал. Но из-за того, как вы, говнюки ленивые, сегодня работали на арене, я бы никак на вас не положился, дойди дело до драки.

Он провел их в шатер. Гоши протопал напрямик сквозь холщовый полог в другом конце комнаты, ведущий в какие-то скрытые местечки. Остальные клоуны повалились на диваны, придвинутые к стенам. Джейми тарашился на освещенный фонарем беспорядок, похожий на игровую комнату для великовозрастных детишек. Везде валялись коробки с реквизитом, клоунские штаны и кучи безделушек. Он узнал рыцарские доспехи с похабными рисунками цветными карандашами. У противоположной стены стояли статуи богов племен Амазонки, прислоненные друг к другу в похотливых позах. В рот одной из них кто-то вставил резинового цыпленка.

Его взгляд упал на мешок для трупа, в котором он проснулся утром.

– И как тебе это понравилось, Джей-Джей? – спросил Гонко, хлопнув его по спине. – Удобно там? Ха-ха! Проснись и пой, мой дорогой! Итак, Джей-Джей, это наше личное пространство. Сюда никто не заходит без нашего согласия. А если и зайдет, мы можем сделать с ним что захотим, даже если цирку наутро срочно придется искать замену. Сечешь? Лучше помнить, что это относится ко всем остальным тоже, так что ходи осторожно. Цыгане приносят нам жратву в девять, в час и в шесть. Размякшие хот-доги или лапшу, у которой вкус как у соленого пластика. Когда это надоедает, есть еще засахаренные яблоки и газировка. – Гонко сплюнул и проворчал: – Да, жратва – не самое лучшее в цирке. Так вот, у каждого из нас в задней части шатра есть логово. Выступления случаются когда как, иногда два дня подряд, иногда неделями ничего. Все зависит от того, какие представления идут снаружи. Конкуренция, соображаешь? Вот здесь мы репетируем.

Он указал на участок пола, не заваленный хламом.

– Понял, – ответил Джейми. – Эм-м, я не совсем уверен, как бы это выразить...

– Ты среди друзей, мой юный Джей-Джей, – подбодрил его Гонко. – Говори откровенно, не стесняйся.

Джейми сделал глубокий вдох:

– Кто вы такие, ребята? Что вы за люди? Что я здесь делаю? Что, черт подери, происходит?

Гонко впился в него прищуренными глазами.

– Ты *по-прежнему* хочешь все это знать? – Джейми замялся в поисках ответа. – Прекрасно, – продолжил Гонко. – Идем со мной. Мы заглянем к прорицательнице и получим ответы. Вперед, юный Джей-Джей и папа Гонко.

* * *

Гонко вел его темными тропинками. Теперь карлики разбились на группки, сидели на корточках и играли в кости или устроились на крышах с бутылками в руках, осыпая друг друга ругательствами. Парочка их сцепилась из-за чего-то, похожего на кость от окорока. Один из драчунов рухнул прямо перед Гонко, который пнул его, словно футбольный мяч, даже не сбавляя шага. Карлик подлетел метра на два в воздух и врезался в дверь цыганского жилища. Дверь открылась, из-за нее высунулась рука, схватила карлика за волосы и втащила внутрь. О том, что там происходило, свидетельствовали вой и звуки ударов. Остальные карлики замолкли, глядели вслед Гонко со скрытой злобой. Тот, похоже, не замечал их.

Они подошли к хижине Шелис, хотя Джейми с трудом узнавал ее по смутным воспоминаниям минувшего дня. Знакомым показалось лишь позвякивание блестящего занавеса. Запах ладана все еще чувствовался, но гораздо слабее. Чуть позади хижины стоял большой белый фургон, вероятно, дом прорицательницы. Везде горел свет. Гонко подошел к хижине и ударил по стене ботинком. Чья-то рука раздвинула за-

навес, и показалась смуглая красивая женщина с живыми и игривыми глазами, хоть на мгновение она и нахмурилась.

– Смотрите, кто пришел, – сказала она. – Очень миленький, Гонко. Почему ты мне не сказал, что это твой новичок?

Гонко вздернул брови.

– Тебе-то что за дело?

Он протиснулся мимо нее и уселся на деревянный ящик, косясь на Шелис, смотревшую на него ледяным взглядом.

– Я гадала ему, – ответила она. – Слово он из проходимцев. Сам знаешь. И он мне сопротивлялся. Это могло очень плохо кончиться. Ты мог потерять своего человечка. Вот поэтому-то мне и нужно все знать.

– Ой, оставь меня в покое, – отмахнулся Гонко, хотя теперь он выглядел чуть развеселившимся. – Каковы были его шансы оказаться здесь?

Шелис обнажила ровные зубы.

– Довольно приличные, как выясняется.

Гонко пожал плечами.

– Да ладно, ерунда, я думал, что ты это предвидела со всеми твоими сверхъестественными силами и прочим.

– Я предвижу, что этого не повторится, – ответила Шелис, – потому что я рассказала об этом Курту.

Гонко вскочил на ноги, похоже, готовый вот-вот ударить ее.

– Ах ты гребаная стерва!

Она улыбнулась и шагнула к нему, сверкая темными гла-

зами.

– Ну-ну, успокойся, прелесть моя. Уж тебе ли этого не знать. Веди себя прилично.

Гонко провел рукой по лицу, пальцы у него дрожали.

– Мы позже об этом потолкуем, – произнес он. – А пока что Джей-Джею нужны ответы на кое-какие вопросы.

Шелис взглянула на Джейми.

– Как обычно?

– Да, как обычно, – отозвался Гонко. – Кто вы, зачем я здесь, что происходит, мамочка, мне страшно, бла-бла-бла. – Гонко врезал башмаком по ящику, выломав из него дощечку. – Нет, правда, спасибо, что стукнула на меня, гребаная... Теперь мне разбираться с двумя геморроями.

Он вылетел из хижины, громко звякнув бусинами. Шелис посмотрела ему вслед, пробормотала что-то себе под нос и повернулась к Джейми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.